

Константин Рыбачук

Межгалактическая тюрьма

Рыбачук К.

Межгалактическая тюрьма / К. Рыбачук —

В романе молодого автора К. Рыбачука фантастическое начинается не сразу. Но постепенно читатель становится свидетелем невероятных событий, выпавших на долю главного героя Алексея, который вспомнил, кто он есть во Вселенной и в чем заключается его галактическая миссия. Шамбала, обряд инициации, долгоживущие и настоящие звездные войны – все это присутствует в увлекательном произведении «Межгалактическая тюрьма».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Константин Рыбачук

Межгалактическая тюрьма

Земледелец поспевает за временем года, торговец думает о прибыли, ремесленник добивается мастерства, воин стремится к власти – к этому вынуждают их обстоятельства. Однако у земледельца бывают разливы и засухи, у торговца – доходы и убытки, у ремесленника – удача и неудачи, у воина – поражения и победы. Таково проявление судьбы
Леизы

Глава 1

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЬЕ

...Я бежал. Бежал так, как это делает человек, спасая свою жизнь.

Тонкие упругие ветви безжалостно хлестали по лицу. Колючий кустарник рвал в клочья одежду, оставляя багровые полосы и царапины на оголившихся участках кожи. Ноги покрылись ссадинами и порезами от острой, словно струна, травы и корней деревьев, густо переплетающихся между собой. Все мое тело было похоже на незаживающую кровоточащую рану, сознание затуманилось, в ушах нарастила звенящая боль, но животный страх гнал меня вперед. И казалось, что не будет этому конца.

Сзади, уже в который раз, послышался протяжный многоголосый вой. От этих звуков в жилах стыла кровь и мороз пробегал по коже, а сердце готово было вырваться из груди.

Временами чудилось, что огромные жуткие тени уже окружили меня и спасения нет. О том, что произойдет, если меня догонят, не хотелось даже думать.

«Как я здесь оказался? Что это за место? Почему меня преследуют и кто?» – Пульсирующими волнами мысли накатывались одна на другую.

В какой-то момент мне показалось, что тени преследователей похожи на человеческие фигуры. Однако ассоциировались они с волчьей стаей. Перед глазами появлялись как призраки страшные звериные клыки. И эти твари гнались за мной, не желая упускать добычу, которая почти что находилась в их лапах.

Вероятно, сумрачный лес был населен и другими не менее опасными существами. Со всех сторон мелькали их горящие желтым огнем ненависти глаза. Слышались мягкие, крадущиеся шаги, хруст веток, неясные перекликающиеся звуки. Невидимые чудовища не нападали, хотя уже давно могли это сделать. Но даже их присутствие оказывало давление на мою психику, заставляя постоянно находиться в напряжении.

Лес неожиданно кончился. Стало светлее, но ненамного. Небо затянуло свинцово-черными тучами. Накрапывал мелкий дождик. Прямо передо мной расстипалось неширокое, но длинное болото.

Сзади, но теперь уже намного ближе, раздался жуткий вой. Я чувствовал себя как загнанный зверь.

«Может быть, в болоте они потеряют мои следы», – мелькнула как искра спасительная мысль.

С первых же секунд я пожалел о поспешно принятом решении. Каждый шаг давался с большим трудом. Ноги вязли в болотной жиже. Я несколько раз проваливался по пояс, с трудом выбираясь из зыбкой трясины. Со дна всплывали и с плотоядным чавканьем лопались крупные

пузыри, источавшие смрадную вонь, от которой меня выворачивало наизнанку. Но отступать было поздно. Лучше уж утонуть, чем стать добычей преследователей.

Выбиваясь из последних сил, я добрался до небольшого островка посреди болота, расчитывая хоть немного передохнуть на нем. Однако моему желанию не суждено было сбыться.

Неожиданно свет затмила целая туча каких-то крылатых монстров. Эти бестии напоминали комаров. Но каких чудовищных они были размеров!!! Целый рой этих летающих вампиров, размером с летучую мышь каждый, спикировал на меня.

Некоторое время я пытался воевать с ними, но очень скоро понял, что это бесполезно. Место каждого сбитого комара тут же занимал новый, норовя сразу же впиться в тело своим хоботком.

И я снова побежал. Вернее, заскользил по упругому травянистому ковру, расстилавшемуся за островком. Совсем как лыжник по снегу. Только вместо снега здесь были болотные травы и водоросли, густо переплетенные между собой.

Не знаю, открылось ли у меня второе дыхание или кратковременный отдых помог возобновить силы, но передвигаться стало значительно легче. Даже крылатые вампиры постепенно отстали, а потом и вовсе прекратили преследование.

Вскоре показался край топи. Правда, чтобы добраться до берега, нужно было еще пересечь открытое водное пространство. Но меня не смущала эта преграда. Тем более что в воде лежало несколько огромных, полу затопленных бревен, которыми можно было воспользоваться, как мостиком.

Вздохнув, я разогнался и прыгнул.

Бревно заметно осело под моим весом, и преодолеть оставшиеся три-четыре метра до суши уже представлялось не сложным. Однако все оказалось не так просто...

Я сделал первый шаг, но неожиданно темная скользкая поверхность под моими ногами ожила. «Бревно» медленно качнулось и стало подниматься из воды. От неожиданности в первый миг я растерялся, не понимая, что происходит. А затем инстинктивно поспешил покинуть уходящую из-под ног опору.

Я прыгнул, но, споткнувшись об корень, неудачно приземлился на твердой почве и, не удержав равновесия, несколько раз перекатился по земле, а лишь потом встал на ноги.

Как оказалось, неудачное приземление спасло мне жизнь.

Полутораметровый язык с ядовито-красной присоской на конце ударил в то место, где я должен был находиться. И это был только язык!

«Бревно», на которое я так неосторожно наступил, превратилось в огромную двадцатиметровую пиявку. Надвигаясь на берег, словно гигантская волна, болотный монстр с поразительной быстротой выполз из воды. И очень скоро он закрыл от меня весь белый свет...

* * *

– Отряд, подъем! – крикнул дневальный и включил свет.

Громкий голос эхом отразился в замкнутом пространстве и, пронзая каждую клеточку раскаленными иглами, судорогой прокатился по телу, обрывая мои жуткие видения. Ускользающая мысль мрачной «действительности» медленно покидала сознание.

Вот уже три месяца, как я забыл, что такое нормальный сон. Состояние полудремы, перемешивающееся с постоянными кошмарами, наступавшее после отбоя, не приносило облегчения, а только еще больше изматывало мою психику. Сегодняшняя ночь не была исключением, и, даже открыв глаза, казалось, чтоочные видения не кончились, а продолжают преследовать меня наяву.

Серый потолок тюремного барака, уже давно нуждающийся в побелке, и спертый воздух закрытого помещения, в котором ощущалась вся гамма запахов, – от вони давно не стиранных носков до водочного перегара, – не вызывали приятных эмоций.

«Видимо, «братья» ночью неплохо погуляла», – подумал я, вставая со своей койки и натягивая зековскую робу.

Сейчас у меня уже не возникало к ней такого отвращения, как в самом начале срока. Со временем привыкаешь ко всему... Также, как к килограммовым ботинкам, которые поначалу казались пудовыми гилями на моих ногах.

Посмотрев в угол барака, я увидел то, что и ожидал увидеть.

Бес, некоронованный король нашего отряда, возлежал на своем «королевском ложе», представляющем из себя обыкновенную зековскую койку, только с двумя матрацами. Он уже проснулся и теперь внимательно следил за своими «подданными», провожая каждого злым, оценивающим взглядом.

По лагерным законам, вернее по законам нашего барака, которые неизвестно откуда выкопал Бес, возможно, придумал сам, «авторитет» должен вставать последним. И горе тому, кто не успеет соскочить с койки до того, как «король» поднимется со своего ложа.

Я уже не раз был свидетелем таких моментов.

Через несколько секунд после команды «подъем» Бес, казалось бы, спокойно спящий на своей койке, вдруг неожиданно соскачивал с нее и подходил к заранее намеченной жертве. Заключенный, еще не успевший как следует проснуться и встать, смотрел на него ничего не понимающим взглядом. И только через какое-то время бедняга осознавал, что его ожидает. Блатной возвышался над койкой провинившегося, разминая суставы и поигрывая сухими жилистыми мышцами. Он просто упивался своей властью, испытывая садистское наслаждение от тех чувств, которые были написаны на лице у жертвы.

– Ты залетел, фраерок! – Его холодный взгляд пронизывал человека насквозь. – Сегодня после отбоя придешь на разборку в курилку.

Такие разборки для провинившегося обычно заканчивались весьма плачевно. Бес со своей «братьей», вдоволь поиздевавшись над испуганным до смерти «залетчиком» и пригрозив в следующий раз «опустить» заключенного, то есть перевести в «петухи», избивали его, отрабатывая боевые приемы на живой «груше».

Ни один из пострадавших даже не пытался сопротивляться. Все знали, что «дать отмашку» в данном случае – это подписать себе смертный приговор.

На моей памяти, да и по рассказам других заключенных, отсидевших уже по нескольку лет, никто не пытался противостоять этим неписанным лагерным законам.

Администрация колонии знала об этих нечеловеческих правилах и ничего не предпринимала для их искоренения. Мало того, охранники поддерживали существующую систему, давая привилегии «авторитетам» и «братье», закрывая глаза на их пьянки и употребление наркотиков, нарушения режима, издевательства над другими, непривилегированными заключенными.

Я и раньше знал, что творится в зонах заключения. Читал об этом и смотрел по телевизору, но тогда эти проблемы были так далеки от меня. Как давно это было...

И только когда я попал сюда, понял, что ни в каких книгах, ни в каких фильмах и передачах нельзя описать весь этот ужас и беспредел, творящийся здесь повсюду.

«Дом», как называют место отсидки бывалые зеки, – это иной мир с иными законами. И нет возможности выбраться отсюда, не отсидев весь срок заключения, определенный нашим «гуманным» народным судом нашего «гуманного» государства.

Можно, конечно, надеяться на помилование, условно-досрочное освобождение или амнистию. Но амнистии и помилования случаются крайне редко, и нет никакой гарантии, что они выпадут на время твоего пребывания в лагере. Ждать условно-досрочного освобождения – дело долгое и ненадежное. Для этого надо «отмотать» как минимум две трети срока, да и

неизвестно – сочетет ли администрация колонии тебя достаточно исправившимся и перевоспитавшимся. Обычно УДО получают только те зеки, которые сотрудничают с лагерным начальством: бригадиры, каптерщики и конечно же «стукачи».

Я не знал, кто конкретно в нашем отряде «стучит», но в том, что такие есть, был уверен на все сто процентов. Лагерная администрация, а особенно «кум» – оперуполномоченный в исправительно-трудовой колонии, – были в курсе всех событий, происходивших в отряде. Они все знали, однако ничего не предпринимали…

Конечно, я не могу сказать, что во всех ИТК творится подобный беспредел. Многое зависит от администрации лагеря, контингента заключенных и местных «авторитетов». Но принцип в местах лишения свободы всегда один и тот же. Страх, и только страх, поддерживает эту систему.

Систему, которая, по идеи, должна исправлять людей, оступившихся в жизни, часто просто по недоразумению или недомыслию. Говорят же, что в этой жизни от тюрьмы и от сумы никто не застрахован. Но зона с ее волчьими законами не исправляет, а, наоборот, калечит души людей. Человек, попавший сюда, выходит на волю озлобленным на весь мир, психически подавленным и напуганным на всю оставшуюся жизнь.

Однако есть и другой тип людей, чувствующих себя в лагерях как рыба в воде. Они принимают правила игры и становятся частью системы. Эту категорию зеков называют в лагерях «братьей» или «блатными». Выходя на свободу, блатные, не задумываясь, переносят лагерные привычки в вольную жизнь. Но на свободе, для того чтобы жить, нужно работать. А работать они не привыкли, считая это ниже своего достоинства. Что может прокормить такого человека с извращенной психологией? Только преступление. А как известно, за преступлением следует наказание. И вот спустя какое-то время, зависящее обычно только от хитрости и изворотливости преступника, член «братьства» вновь оказывается в местах, «не столь отдаленных».

Если блатной «мотает» второй или третий срок и показал себя за это время с «лучшей» стороны, он вполне может стать «авторитетом» и занять освободившуюся вакансию.

Именно таким «молодым авторитетом» и был Бес. Он занял это место совсем недавно и теперь из кожи вон лез, чтобы доказать, что достоин этого почетного звания и по праву является вершителем судеб заключенных нашего отряда. Поэтому и устраивал частые разборки, превращая и без того безрадостную жизнь зеков в постоянный кошмар.

Игры, выдуманные им, заставляли держаться в постоянном напряжении и страхе быть обвиненным в несоблюдении лагерных законов и правил.

Но сегодня утром у Беса не было настроения играть. Я понял этому причину, когда, войдя в туалет, увидел плохо замытые следы крови на полу и в умывальнике.

В мусорном бачке валялись несколько пустых банок из-под сгущенного молока. В такой таре сюда обычно доставляются спиртные напитки. Все сразу стало на свои места. Очевидно, вчера «братья», во главе с Бесом, неплохо погуляла, поэтому сегодня у них не возникло желания заниматься воспитанием.

Утренняя перекличка, завтрак, развод на работы. Так начинается здесь каждый день, и я уже успел привыкнуть к этому распорядку.

В лагере мне пришлось вспомнить о своей специальности, полученной еще до службы в армии и учебы в институте. Как оказалось, высшее образование здесь совершенно ни к чему, а вот специальность электрика высокодефицитна.

В нашем отряде было очень много молодежи, не имеющей вовсе никакой профессии. Да и образование, как правило, ограничивалось восемью классами. Основной контингент составляли пацаны по восемнадцать – двадцать лет, отбывающие срок наказания в первый раз. Похоже, администрация колонии устроила в нашем бараке что-то вроде карантина для молодежи. И даже если это было сделано из лучших побуждений – нововведения привели прямо к противоположному результату.

Старше меня, а мне уже тридцать, было всего несколько человек, в том числе и Бес. Может быть, именно из-за возраста блатные ни разу не «наезжали» на меня, но на одной разборке я все же присутствовал. Это случилось сразу же после прибытия в отряд.

После отбоя к койке подошел дневальный и сказал, что со мной хотят поговорить. Я поднялся и направился следом за ним. Подойдя к курилке, он указал на дверь, а сам вернулся к исполнению своих обязанностей. Я открыл дверь и вошел в помещение, где собирались Бес и его подручные. Все они пристально осматривали меня, оценивая с ног до головы.

– Какой масти будешь? – спросил Бес, не вынимая сигареты изо рта.

Вопрос этот не вызвал удивления. Еще в следственном изоляторе знающие люди просветили и научили, что во время «знакомства» надо отвечать коротко и правдиво.

– Честный фраер, – выдал я заученную фразу.

На лагерном жаргоне это означало, что я – обычновенный человек, попавший в зону по недоразумению.

– За что срок мотаешь? – прищурив глаз то ли от попавшего дыма, то ли от такого начала, поинтересовался «авторитет».

Назвав статью, по которой был осужден, я замолчал, не став вдаваться в подробности.

– Конкретнее! Или из тебя слова надо вытягивать? Методов для этого достаточно! – не удовлетворенный односложными ответами, завелся Бес.

– Уложил трех пацанов в больницу, а они оказались детьми начальников, – тихо прозвучал мой ответ, и это было чистой правдой.

Я посмотрел на блатных, ожидая, какое впечатление произведут на них произнесенные слова. В исправительных колониях ненавидят начальников любых мастей и всех, кто с ними связан. Следовательно, по их логике, доставив неприятности «дядям в шляпах», я совершил стоящее дело.

Видимо, немного остыл, Бес одобрительно кивнул, а затем, затянувшись сигаретой и выпустив целое облако дыма, уже более спокойно произнес:

– Статья у тебя неплохая. Для начала потянет. Веди себя разумно, а там поживем –увидим!

На этом разборка закончилась.

…Вот уже несколько месяцев, как я в отряде, но с того времени меня больше никто не беспокоил. Однако я постоянно ощущал на себе внимательные взгляды и знал, что рано или поздно Бес примет решение насчет моей дальнейшей судьбы.

После развода нас отправляли на стройплощадку, где заключенные проходили перевоспитание трудом.

Труд зеков – самый дешевый труд. Поэтому государству выгодно использовать заключенных на самых тяжелых и трудоемких работах, прикрываясь при этом красивыми лозунгами о трудовом перевоспитании.

И тем не менее мое внутреннее состояние гораздо лучше было во время работы, чем в затхлом бараке с его «жильцами», давящими морально со всех сторон. Физический труд позволял хоть немного почувствовать себя человеком и забыть на некоторое время, где ты находишься и почему.

Обед нам привозили прямо на стройплощадку, так что в лагерь мы возвращались только к ужину. После трудового дня хотелось отдохнуть, но не тут-то было. В бараке нас поджидал Бес, занимавший должность каптерщика, поэтому вполне легально отлынивавший от строительных работ. Отсыпаясь в своей кладовке, он от безделия придумывал различные пакости.

Сегодня, например, «пахан» решил устроить новое развлечение. Притащив из каптерки две пары боксерских перчаток, он отдал распоряжение дневальным сдвинуть часть кроватей в сторону, освобождая место для импровизированного ринга.

— Сейчас у нас спортивное мероприятие, — самодовольно заявил Бес собравшимся по его приказу заключенным и, усмехнувшись, добавил: — Я объявляю чемпионат отряда по боксу! Победитель будет награжден.

— Чем награжден? — спросил кто-то из толпы. «Авторитет» на секунду задумался, а затем ответил:

— Завтра на свободу выходит Хрящ, а значит, освобождается одна из вакансий среди «братьев». Так вот: тот, кто выиграет чемпионат, и будет основным претендентом на эту вакансию.

Огонек интереса зажегся в глазах многих зеков. И я не удивился этому. Все, собравшиеся здесь, прекрасно понимали, что означает перевод в «братьев». Это все виды привилегий, возможных в лагере, исключая лишь одну — остаться человеком. Вот этого-то как раз многие и не понимали. Да, возможно, даже и не задумывались над этим щекотливым вопросом.

Как я и предполагал, оказалось много желающих занять эту более высокую ступеньку в иерархии зоны. Претенденты, нацепив боксерские перчатки, один за другим выходили на импровизированный ринг и дрались до нокаута. Бой судил сам Бес, постоянно подзадоривая то одного, то другого бойца.

Слабые отсеялись буквально через час, оставив после себя на полу барака лужицы крови и несколько выбитых зубов. Осталось четверо кандидатов.

Среди них особенно выделялся один парень по кличке Слон. Боксировал он неважко, однако разница в весовой категории давала о себе знать. Одного-двух прямых ударов хватало для приведения соперника в бессознательное состояние.

…В колонию Слон попал за пьяный дебош, неподчинение властям, сопровождавшееся нанесением тяжких телесных повреждений работникам милиции, находящимся при исполнении служебных обязанностей. За это дали ему на «полную катушку». С точки зрения правоохранительных органов, такие неподчиняющиеся субъекты представляют особую опасность для общества и государства. Хотя какую опасность представлял Слон?

Обыкновенный сельский парень Тимофей Кузнецов, приехавший в город подзаработать. Патрульные задержали его вместе с друзьями в парке, где после работы те решили «пригово-рить» пару бутылок водки, — вернее, пытались задержать, потому что удары резиновых дубинок, которыми сотрудники милиции решили попотчевать подвыпивших работяг, совсем не понравились Тимофею и вызвали бурную ответную реакцию. Он просто вырвал дубинки из рук ментов, вывихнув при этом одному из них кисть, на которой был ремешок от дубинки, и посоветовал им не мешать отдыхать рабочему классу.

Взяли гуляк уже на выходе из парка. Целая бригада «беркутовцев», вооруженных автоматами, проводила задержание, словно перед ними были закоренелые бандиты. И чтобы другим неповадно было поднимать руку на сотрудников милиции, Кузнецову «намотали» срок по полной программе.

Вполне понятно, почему этот молодой человек был озлоблен на весь белый свет, так несправедливо с ним поступивший.

Кстати, кличка Слон приклеилась к Тимофею из-за богатырского сложения: ростом он был где-то под два метра и весил более ста килограммов. Этот гигант обладал поистине фантастической силой. Он легко гнул лом, а строительную арматуру завязывал в узел…

Остальные участники полуфинала были легче Слона в среднем килограммов на двадцать пять — тридцать, поэтому вряд ли могли составить ему достойную конкуренцию. Со своим соперником богатырь разделался за пару минут, не давая тому ни единого шанса на успех. Держа его на расстоянии вытянутой руки, а рука у Слона была соответствующая его размерам, он прижал противника к стене и нанес несколько сильных ударов в лицо и по корпусу. Видимо, один из ударов сломал боксеру нос. Во все стороны брызнула кровь. Ничего не видя и находясь в полубессознательном состоянии, тот согнулся и опустил руки. Тогда Слон нанес сильнейший

удар снизу в подбородок противника. Этот жестокий удар подбросил бойца вверх, и тот упал на пол уже без сознания.

– Отлично! Ты умеешь побеждать! – Бес похлопал гиганта по плечу, затем подошел к поверженному бойцу и проверил пульс.

Вытерев запачкавшиеся кровью пальцы о рубашку лежащего, он повернулся и торжественно провозгласил:

– Слон, я тебя поздравляю! Ты вышел в финал! А этого унесите в туалет и приведите в чувство, – добавил Бес, указывая дневальным на распростершегося на полу человека.

Следующий поединок за выход в финал продолжался значительно дольше. На этот раз соперники оказались равны по силе. И ни один не хотел уступать. Они наносили друг другу сильнейшие удары, мало беспокоясь о защите.

Через двадцать минут их лица были похожи на кровавые маски, и только воля к победе заставляла еще держаться на ногах. Но сил вести бой у них не осталось. Бойцы висли друг на друге, все еще стараясь время от времени нанести удар, который, если и достигал цели, уже не был достаточно силен и точен, поэтому не мог принести победы ни одному из сражавшихся.

Бесу надоело наблюдать за этим зрелищем. Он подошел к дерущимся, разнял их и объявил:

– В этом бою нет победителя! Я сам назначу противника Слону.

Пристальным взглядом «авторитет» осмотрел всех собравшихся возле ринга претендентов, но, по всей видимости, не нашел ни одного достойного, на его взгляд, кандидата. На секунду Бес задумался, а потом, озаренный какой-то мыслью, повернулся ко мне.

– Кот! – Такую кличку мне дали в бараке из-за моей фамилии, да еще за мягкую, тихую, как у кота, походку. – А ты не хочешь выступить в роли претендента?

Я знал, что рано или поздно что-то подобное должно было случиться, но не думал, что это произойдет именно так. Теперь мне необходимо было сделать свой выбор. Выбор, который определит дальнейшую жизнь в колонии и за ее пределами, выбор, от которого зависит моя дальнейшая судьба: стану ли я одним из представителей блатного мира, забыв о совести, взамен приобретя все возможные блага, или останусь самим собой, обрекая себя на тяжелую, полную лишений жизнь заключенного в лагере. А может быть, и того хуже…

– Я не люблю боксировать. – Выбор был сделан, и я знал, чем могу заплатить за это.

Казалось, Бес спокойно воспринял мое решение. Лишь на секунду в его глазах вспыхнула злость, но тут же погасла.

– Зрелище окончено, – спокойно произнес он, отворачиваясь от меня, как будто ничего не произошло.

Заключенные стали медленно расходиться, разочарованные несостоявшимся поединком. Дневальные быстро вымыли полы и сдвинули кровати на место.

Лежа на своей койке, я обдумывал сложившееся положение. Нет, я не жалел о своем решении, но все же плохие предчувствия не покидали меня. Не было сомнения, что Бес не простит мне отказа и обязательно придумает, как отыграться. С такими невеселыми мыслями я и заснул.

На следующий день из нашего барака на волю вышел Хрящ и с ним еще двое. Они отбыли свой срок наказания и теперь покидали этот кошмарный бесчеловечный мир. Как я завидовал им!

На освободившиеся места сразу же определили троих новичков, прибывших в колонию с новой партией заключенных.

Я смотрел на этих наголо обстриженных парней в еще не обмятой робе, понимая, какие чувства они сейчас испытывают. Вспомнились свои первые впечатления от колонии и ее обитателей.

Настроение, которого и так не было, испортилось окончательно. Даже работа не принесла морального облегчения и не позволила хотя бы на какое-то время забыть, где я нахожусь и что ожидает меня в ближайшие пять лет.

Вечером я зашел в «красную» комнату и, не в силах сдержаться, взял в руки гитару. Всю свою душу, всю горечь и тоску вложил я в песни, не замечая ничего и никого вокруг. Душа моя рвалась на свободу, а я пел. Пел песни своей юности, с которыми было связано так много воспоминаний о той беззаботной поре. И когда отложил гитару, то увидел, что в комнату набился почти весь наш отряд. По лицам собравшихся было видно, что они испытывают те же чувства, что и я. Мои песни зажгли огонь в их душах и заставили забыть о том, что все мы обречены влачить жалкое существование заключенных исправительно-трудовой колонии.

– Ого! Да у нас в бараке новый певец! – Голос Беса вернул всех на землю. – Кот! Чего ж это ты скрывал свой талант? Сегодня после отбоя зайдешь в курилку. Споем вместе!

– Для этого нужно особое настроение, – тихо ответил я.

– Ну, настроение мы тебе обеспечим. В этом можешь не сомневаться, – загадочно усмехнулся блатной.

Эта усмешка не предвещала ничего хорошего. И когда после отбоя я оказался в курилке, все мои опасения подтвердились. Там меня уже поджидали все члены «братьства». И хотя внешне они были настроены дружелюбно по отношению ко мне, я прекрасно понимал, что это только игра.

– Заходи, Кот, – произнес Бес, когда я показался в дверях. – Присаживайся рядом с нами, закуривай.

«Авторитет» кивнул одному из своих подручных. Тот подал мне папиросу и коробок спичек. Прикурив, я глубоко затянулся и чуть было не закашлялся. Блатные с ухмылкой наблюдали за моей реакцией. Бес криво улыбнулся и подмигнул.

– Кури, Кот, кури! Папирочка с «планом» еще никому не повредила. Кстати, очень хорошее средство для поднятия настроения. Я ведь обещал обеспечить тебе хорошее настроение, а свои обещания я всегда выполняю.

С новой затяжкой действительно пришло ощущение, что напряжение, в котором я находился уже несколько месяцев, постепенно ослабевает. Мой мозг, расслабленный действием наркотика, отказывался анализировать ситуацию. Казалось, что все окружающее – иллюзия и все это происходит не со мной, а я – только посторонний наблюдатель.

– Эй, дневальный! – крикнул Бес.

Через пару секунд в дверях показалось испуганное лицо.

– Позови сюда Слона и новеньких, – приказал он и, повернувшись ко мне, добавил: – А ты, Кот, пока отдыхай. Расслабляйся!

Менее чем через минуту в курилке появился Слон. Бес посмотрел на него строго и сказал:

– Ну что ж, Слон! Давай, приступай к своим обязанностям. Чтобы стать одним из нас, ты должен показать себя в деле. Сейчас здесь появятся новенькие. Ты должен будешь допросить их и сразу же определить, кто из них кто. Объясни им правила поведения в бараке, а если кто-то не поймет с первого раза – объясни подоходчивей. В общем, покажи, на что ты способен. А мы посмотрим.

Слон кивнул головой, криво усмехнулся, стараясь даже улыбкой походить на блатных, открыл дверь курилки и позвал первого новичка.

Им оказался паренек лет восемнадцати, очень хрупкого, еще юношеского телосложения. В результате расспросов выяснилось, что в тюрьму он попал за групповое изнасилование. И хотя сам он даже не притронулся к девчонке, которую насиливали его дружки, ему дали четыре года за соучастие.

В зоне насилиников не жаловали, презрительно называя их «взломщиками мохнатых сейфов». Обычно они занимали низшие ступени в иерархии зоны.

Слон быстро объяснил основные правила поведения, а напоследок небрежно добавил:

– Смотри, если что-то будет не так – сразу же переведем в «петухи». Тем более что статья у тебя подходящая да и лицо симпатичное.

По побледневшему лицу паренька было видно, что слова «наставника» испугали его до смерти. И этот страх он будет помнить всегда и везде.

Слон полностью вошел в роль и, с молчаливого согласия Беса, отпустив первого новенького, позвал следующего.

Вошедший был плотного телосложения с накачанными мышцами и наглым лицом. По всему было видно, что в свое время он серьезно занимался спортом. И я не удивился, когда узнал, по какой статье его сюда «упекли».

Вымогательство, или рэкет, как модно стало сейчас называть такой вид деятельности. Такие «птицы» – редкость на зоне. Обычно их «отмазывают», не давая делу дойти до суда. Или убирают, если «бригадный» много знает и может «замазать» своих дружков. На зону попадают лишь единицы из тех, кого принято называть рэкетирами. Да и то, как правило, это молодежь. Глупые и неопытные юнцы, почувствовавшие силу и власть, но не понимающие, что за этим может последовать.

Парень, наверное, рассчитывал на благосклонное к себе отношение, поэтому несколько раз перебивал Слона и выражал свое несогласие с лагерными законами и правилами. Будучи неопытным учителем, Слон сбивался, путался, иногда не зная, что ответить наглому новичку.

Бесу надоело слушать это препирательство и словоблудие. Он встал и подошел вплотную к бывшему рэкетиру.

– Тебе не нравятся наши правила, фраерок? – по-блатному оскалившись, произнес «авторитет».

И хотя эти слова были произнесены тихим и спокойным голосом, от них веяло ледяным холодом. Новичок почувствовал угрозу. Он напрягся, словно готовясь к бою, но Бес, казалось, не замечал этого.

– Кто ты такой? – продолжил он, не меняя интонации. – Крутой бригадный чувак? Это на воле ты крутой, а здесь ты – никто. Хорошенько это усвой! А если еще раз вянкнешь, я тебя урою на месте! Ты меня понял?

Экс-рэкетир сразу сник. Бес одной рукой взял его за подбородок, крепко сжал и, приподняв лицо, посмотрел прямо в глаза.

– Ты меня понял? – повторил он свой вопрос.

Как загипнотизированный крепыш несколько раз кивнул головой. Бес убрал руку, повернулся к Слону и лениво произнес:

– Слон, врежь ему пару раз, чтобы мои слова запомнились получше.

Тот, казалось, обрадовался этому приказу. Наконец-то он мог оправдаться за допущенные промахи. Гигант подошел к жертве и несколько раз сильно ударил в живот. Парень согнулся от боли и рухнул на колени. Бес кивнул Слону, и тот, подхватив под руки поверженного, вытащил его из курилки.

Назад он вернулся уже со следующим новым заключенным нашего барака.

Этому мужчине было далеко за тридцать. По крайней мере, по внешнему виду. Он был худощавым, но не хрупким, как первый новичок. Больше всего меня поразили его глаза – темно-синие, почти черные, бездонно-глубокие, как само небо. Никогда в жизни я не видел подобных глаз.

Попал он сюда за мошенничество. Но что-то подсказывало мне, что это – неправда. И что этот человек не должен здесь находиться. Бес тоже почувствовал несоответствие внешнего облика новичка со статьей, по которой тот был осужден.

– Расскажи нам, пожалуйста, за что это тебе пришили такую статью, – вкрадчивым голосом спросил он.

Мужчина совершенно спокойно обвел взглядом собравшихся. Наши глаза на миг встретились, и я отчетливо понял, что он абсолютно не боится этой блатной компании. Его лицо не выражало страха, что было так непривычно для этого мира. Этот человек смотрел на всех добрым, теплым взглядом. Мне даже показалось, что он испытывает чувство жалости и сочувствия к своим потенциальным мучителям.

– Я – странствующий монах. – Голос мужчины отличался от голосов предыдущих «новоселов» своей глубиной и спокойствием.

Эта фраза объясняла многое. Во всяком случае, для меня.

– По велению сердца и души я ходил по городам и селам. Встречался с разными людьми, по мере сил и возможностей стараясь помочь всем нуждающимся, лечил их тела и души. – Монах на секунду замолчал, вздохнул, а потом продолжил: – В одном из городов я отказался лечить пациента, пришедшего на прием. Я сказал, что не смогу вылечить его болезнь, потому что это – кармическое наказание за его грехи в прошлой и настоящей жизнях. И посоветовал изменить свое отношение к людям: постараться добрыми делами и поступками хоть как-то искупить содеянное зло. Он очень разозлился, и через пару часов я был арестован по обвинению в мошенничестве и шарлатанстве. Этот пациент оказался главным прокурором города. Он оперативно состряпал против меня уголовное дело, представив суду несколько ложных свидетелей, у которых я якобы выманил деньги обманным путем. Все в городе знали, что за лечение я никогда не требую платы, но это ничего не изменило. Суд приговорил меня к пяти годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима.

– Значит, ты – монах? – усмехнулся Бес.

Рассказ новичка нисколько не тронул его, а только развеселил.

– А я – Бес! Интересная у нас получается компания. Бес и монах в одном бараке. Как вам это нравится?

«Братва» рассмеялась. Им понравился каламбур «пахана».

– Монах! А ты случайно не из Шаолиньского монастыря? – продолжал шутить блатной, иронично посматривая на худощавую фигуру. – Может, ты еще и драться умеешь, как Брюс Ли? Слон, ты проверишь нашего монаха на прочность?

Слон воспринял эти слова как приказ к действию. Он не спеша подошел к мужчине и сильно шлепнул его по плечу, словно приглашая принять вызов на бой. Я видел, как у того от боли скривилось лицо, но глаза продолжали излучать добро и свет.

И вдруг, даже неожиданно для самого себя, ведомый каким-то подсознательным импульсом, я соскочил с подоконника и подошел к ним.

– Оставь его! – негромко сказал я.

Слон вздрогнул и медленно повернулся ко мне, убрав при этом свою руку с плеча монаха. Блатные замерли и уставились на меня. Немая сцена продолжалась не более секунды. Отступать было поздно, и я решился:

– Бес, если хочешь, я могу устроить вам развлечение, заменив монаха. Ты ведь хотел, чтобы я дрался со Слоном? Я согласен. Более того, я готов драться без боксерских перчаток и без правил.

Бес немигающим взглядом уставился на меня. «Братва» одобрительно загадела, предвкушая невиданное зрелище. Несколько секунд «пахан» думал, а потом согласился:

– Хорошо. Ты сам этого захотел. Будете драться до полного вырубона. Монах, отойди в сторону. Ты тоже будешь наблюдать за боем. Если Кот проиграет – будешь следующим. Начинайте!

Слон не ожидал такого поворота событий, но, как собака по приказу хозяина, сжал кулаки и, переваливаясь с ноги на ногу, словно краб, двинулся на меня. Я стал в стойку и подготовился к бою.

В первый удар Слон вложил всю свою силу, надеясь сразу же закончить поединок. Должен сказать, что так вполне могло случиться. Ведь мой противник намного превосходил меня как размерами, так и силой.

Но его кулак не достиг цели. Меня там просто не оказалось. Я поднырнул под его руку и провел удар в солнечное сплетение. На секунду мне показалось, что кулак врезался в бетонную стену. И все же удар был точен. Гигант задохнулся и, схватившись за грудь, попятился назад. Однако не прошло и нескольких секунд, как он пришел в себя и снова пошел в атаку. Слон провел серию ударов, надеясь, что хотя бы один из них достигнет цели. Но этого не случилось – я уклонился, отпрыгнул в сторону и сбоку ударили его по опорной ноге. Подсечка не совсем удалась, но Слон уже не мог двигаться так быстро, как прежде. Он хромал. Быстро перемещаясь и постоянно маневрируя, я провел еще несколько атак, целясь в болевые и нервные центры на теле противника, известные мне еще по занятиям каратэ.

Мне не хотелось калечить Слона, однако я прекрасно понимал, что легкой победы в этом поединке не будет.

Через какое-то время соперник, вероятно, понял, что таким образом бой не выиграть, и решил сменить тактику. Растопырив руки и нагнув голову, он бросился на меня.

Я не успел вовремя сориентироваться и попался в захват. Худшее положение трудно себе представить. Я почувствовал, как затрещали мои кости под его могучими руками, и понял, что еще немного – и он просто раздавит меня в своих объятиях. Напрягая последние силы, я чуть отклонился назад и двумя руками одновременно резко ударили его по ушам. Оглушенный этим ударом, гигант разжал руки и схватился за голову. Я выскользнул из захвата и упал на пол, не в силах сделать вдох. Затем на четвереньках отполз в сторону и с большим трудом поднялся на ноги.

Блатные одобрительно зашумели, обсуждая прием, с помощью которого мне удалось вырваться из «железного» захвата. Но мне было не до этого. Зверски болела грудь. Нормально дышать я смог только через несколько секунд.

Собрав всю силу воли в кулак, я вновь двинулся в атаку. Все еще оглушенный Слон принял оборонительную стойку, выставив свои руки далеко вперед. Это, по его мнению, должно было удержать меня на расстоянии. Но я нашел другой способ добраться до него. Резко присев, я крутнулся на одной ноге, второй подсекая ногу противника. На этот раз подсечка удалась. Слон грохнулся на пол всей своей массой, сильно ударившись затылком о каменный пол курилки. Он лежал, не подавая признаков жизни, и я уже подумал, что на этом бой закончен.

Но не тут-то было. Полежав несколько секунд, Слон встал и занял боевую позицию. Координация движений у него еще не полностью восстановилась, но тем не менее, медленно представляя ноги и пошатываясь, он направился в мою сторону.

Пора было заканчивать это представление. Я решил провести прием, который меня еще никогда не подводил.

Между нами было порядочное расстояние, поэтому я сделал несколько быстрых шагов вперед и прыгнул, имитируя удар ногой. Слон попался на мою уловку. Он нагнулся, уклоняясь от прямого удара ногой в голову. Но я и не думал наносить такой удар. Проскочив за спину соперника и мягко приземлившись на ноги, я захватил шею Слона и резким движением дернул ее на себя, в то же время подставляя свою спину под его. Мои руки передавили сонную артерию на его шее, и через пару секунд тело обмякло. Я ослабил захват и осторожно опустил Слона на пол, будучи уверенным, что после такого приема он придет в себя не скоро.

Теперь уже точно, бой был закончен. К тому же удалось обойтись без тяжких травм иувечий. Через несколько минут Слон очнется, надеюсь, с ним все будет в порядке. У меня же, кроме предательской дрожи во всем теле, побаливала только грудная клетка. Сказывались результаты «дружеских» объятий гиганта. Но ничего – это скоро пройдет.

Я выпрямился и посмотрел на Беса и его дружков.

– Базара нет. Ты победил, – нехотя произнес он. – Теперь понятно, как ты умудрился уложить сразу троих в больницу.

– Я тогда не контролировал своих действий, – вырвалось у меня.

– Это почему же?

Я замялся, поняв, что сболтнул лишнее. Но потом все же решил ответить:

– Был в состоянии алкогольного опьянения, как определила экспертиза в милиции. Но это – неправда. Я и выпил-то пару фужеров шампанского, от которых никак не опьянел бы. Дело в том, что один из этих пацанов неожиданно очень сильно ударил меня сзади по голове резиновой дубинкой. Поэтому я смутно помню драку. Только когда полностью пришел в себя, увидел, что натворил. У двоих были сломаны руки, а у третьего – нога. Наверное, я рефлексорно сломал им те конечности, которыми они пытались нанести удар.

– Ты как будто жалеешь об этом? – Казалось, холодные глаза Беса заглядывали мне в самую душу.

– Да, жалею, – ответил я, решив до конца оставаться честным. – Хотя они сами виноваты.

– Где ты так научился драться? – поинтересовался один из блатных по кличке Кореец.

– Какое-то время я ходил на секцию каратэ, а потом, когда его запретили, сам занимался. В армии тоже пришлось немало попотеть – был командиром противодиверсионного отделения. В институте снова записался в секцию, только на этот раз это было айкидо. Тренер говорил, что у меня талант к боевым видам единоборств. Может быть, он был прав, но я не считал это главным в своей жизни, поэтому и бросил спорт. – Сам не знаю, зачем я все это говорил блатным, возможно, надеялся, что, узнав о моих бойцовских качествах, они отстанут от меня.

Как я ошибался!

– Лады. Твоим способностям найдется применение. А сейчас забирай монаха и идите спать. Да, позови дневального. Пусть он займется бедным Слоником.

Бес засмеялся, блатные поддержали его. Мы вышли с монахом из курилки, слыша за собой издевательский смех зеков.

– Спасибо, – сказал монах, закрывая за нами дверь.

– Не за что, – ответил я. – Рано или поздно что-то подобное должно было произойти. Сейчас я даже чувствую душевное облегчение, потому что снова стал самим собой. И чем бы это ни закончилось, я не буду жалеть о своем поступке.

– А ты отлично дерешься. У меня, например, никогда так не получится.

– Наверное, это заложено в моих генах, – то ли в шутку, то ли всерьез ответил я.

– Возможно. – Монах задумчиво покачал головой и добавил: – А быть может, в прошлой жизни ты был каким-нибудь знаменитым воином.

Я только улыбнулся его словам и, решив отложить разговоры о моих воплощениях на будущее, сменил тему.

– Кстати, как тебя зовут? – спросил я. – А то как-то неудобно называть тебя монахом.

– Меня не обижает такое обращение, ведь это – моя суть. А зовут меня Андреем. Во всяком случае, под этим именем я числюсь в лагерных списках.

– Хорошо! Андрей так Андрей. – Мне был непонятен смысл его последнего высказывания, однако я не стал вдаваться в подробности. – А меня зовут Алексей! Алексей Котов, но можно просто Алекс или Кот.

Мы пожали друг другу руки и разошлись спать.

* * *

Эту и последующие ночи я спал спокойно. Ко мне опять вернулся нормальный сон, и я не чувствовал себя таким психически разбитым.

Андрея назначили в мою бригаду, и все время мы проводили вместе. За эти дни нас связала крепкая дружба. Я чувствовал искреннюю симпатию к этому, не похожему на других, человеку. И хотя физически он был, откровенно говоря, слабоват, зато духовно и интеллектуально превосходил всех, с кем мне приходилось общаться в своей жизни.

Незаметно для самого себя я рассказал Андрею всю историю своей жизни.

– Ты – хороший человек, Алекс! – сказал он мне. – Я с первого взгляда, как только увидел тебя, понял это. И это очень несправедливо, что ты находишься в тюрьме. Тебе здесь не место, так же, как и мне.

– Что ты хочешь этим сказать? – не понял я.

– Я хочу сказать, что государство несправедливо осудило тебя. Оно заставляет провести лучшие годы жизни в тюрьме, хотя ты не совершил никакого преступления.

– Ты предлагаешь бежать отсюда? – Я все еще не мог понять, шутит Андрей или говорит серьезно.

– Но ведь ты согласен, что мы незаслуженно понесли наказание? – вопросом на вопрос ответил монах и улыбнулся. – А с несправедливостью нужно бороться! В данном случае все, что мы можем сделать, – бежать. – Уже серьезно он посмотрел мне в глаза.

Говорят, что глаза – зеркало души. Раньше я с легкой ironией относился к подобным высказываниям, но, заглянув в бездонные, полные тепла и доброты глаза своего друга, убедился в справедливости древней мудрости.

– Куда бежать? – Я спросил это чисто автоматически, хотя в душе уже согласился с предложением моего друга.

– Алекс, перед тобой открыты все дороги! Что ты видел в жизни? Где был? И ты предлагаешь смириться с судьбой и провести несколько лет в этом ужасном месте с его нечеловеческими законами?

Я задумался. Все, что говорил монах, было правдой. С точки зрения закона, мы – преступники, но по совести наше заключение – ошибка правоохранительной системы. Бороться с сильными мира сего, доказывая свою невиновность, – бесполезная траты сил и времени. Осталось одно – побег…

– Я согласен! – решил я.

И как истинный практик спросил:

– Когда и как мы это сделаем?

– Я еще не знаю ни того, ни другого, – честно признался Андрей, – но думаю, что нет такой тюрьмы, из которой умные люди не смогут сбежать.

– Для полного успеха нам необходимо будет все хорошо подготовить и предусмотреть, – согласился я, уже начав обдумывать план побега.

После этого разговора прошло около недели. Мы внимательно присматривались к системе охраны заключенных в лагере и на работах. В конце концов пришли к единому мнению, что побег лучше всего осуществить со стройплощадки. Во-первых, оттуда легче выбраться, потому что на стройке работают не только зеки, но и вольнонаемные рабочие. Следовательно, охранники не так бдительно следят за перемещениями того или иного субъекта по стройплощадке. Во-вторых, у нас в запасе будет несколько часов, чтобы успеть убежать как можно дальше, до того как охрана заметит наше отсутствие и поднимет тревогу. В-третьих, сама собой решалась проблема гражданской одежды. На стройке была раздевалка, где вольнонаемные переодевались перед работой. Мы считали, что всегда можно незаметно позаимствовать какую-нибудь старую рабочую одежду. И хотя, конечно, в ресторан в этой одежде не пустят, все же это лучше, чем наша зековская роба.

Жизнь снова наполнилась смыслом. Мне уже не казалось, что я обречен судьбой влачить жалкое существование в лагере. Теперь я смотрел на заключение, как на еще одно испытание, которое должен пройти в своей жизни.

Через две недели мы были полностью готовы к побегу: заготовили одежду; инструменты для перекусывания колючей проволоки; перец, чтобы собаки не могли взять наш след. И ждали только одного – погоды, подходящей для задуманной нами операции.

Как-то вечером, просматривая программу новостей по телевидению, я наконец-то услышал долгожданный прогноз. На следующий день по всей территории Украины обещали обильные дожди и грозы.

«Завтра – самый подходящий день для побега», – подумал я.

Надо было предупредить об этом Андрея, и я поспешил найти его, что оказалось совсем не сложно. Монах сидел возле кровати одного из заключенных нашего барака по кличке Дохляк. У этого молодого еще парня была какая-то врожденная болезнь сердца. Его не посыпали на тяжелые работы, но колония – это не курорт, и парень угасал с каждым проведенным здесь днем. Надежда затеплилась в глазах Дохляка лишь только с появлением Андрея. За несколько недель Андрей сделал то, чего не смогли сделать врачи за всю предыдущую жизнь Дохляка. Он вылечил его. И не только его одного. Монах помог многим ребятам нашего отряда, залечивая не только физические, но и душевые раны.

– У тебя уже все нормально, – услышал я слова Андрея, подходя к койке Дохляка. – Но помни, что все твои плохие мысли и поступки вернутся к тебе назад в виде несчастий и болезней, как бumerанг. Поэтому, если хочешь быть здоровым, – не желай, а уж тем более не делай никому зла.

Я подошел к моему другу и тронул его за плечо.

– Пойдем покурим! – сказал я, прекрасно зная, что он не курит.

Андрей недоуменно посмотрел на меня, но все же встал и направился вслед за мной. Мы вошли в курилку. Я внимательно осмотрелся, боясь, что кто-то может подслушать наш разговор, и, подойдя к нему вплотную, шепнул в самое ухо:

– Мы бежим завтра!

– Почему именно завтра? – тоже шепотом спросил он.

– Я слушал прогноз погоды, – объяснил я. – На завтра обещают сильные дожди и грозы.

– Отлично! Подходящая погодка! У нас все готово?

– Да! Мне даже удалось раздобыть немного денег. На первое время хватит, а потом – что-нибудь придумаем.

Не успел я договорить, как дверь в курилку распахнулась. На пороге показался Бес со своими дружками. От них сильно несло водочным перегаром.

– Ого! Кого я вижу! Первый гитарист нашего барака! Когда же мы вместе споем? – спросил Бес, обращаясь ко мне.

Я только пожал плечами, показав порезанные на работе пальцы.

– Монах, а ты что здесь делаешь? – переключился «пахан», утратив ко мне интерес. – Ты ведь не куришь! – совсем как «добрый дядя», заботящийся о здоровье, произнес он.

Но ни меня, ни Андрея его добрый тон не обманул.

– Просто зашли поговорить, – спокойно ответил Андрей.

– Я вижу, у вас появились секреты! Может быть, нам выйти? – ухмыльнулся Бес.

– Да нет. Мы уже все обсудили, – ответил я, надеясь побыстрее покинуть их общество.

– Вот и хорошо. Вы поговорили, теперь мы поговорим, – еще раз недобро ухмыльнулся блатной.

Видимо, сегодня у него было игривое настроение, а мы подвернулись под руку.

– Вот отвесь мне, монах! Как ты лечишь людей? У тебя нет никаких лекарств, а ты умудрился вылечить полбарака. Даже Дохляка вернул к жизни!

После непродолжительного молчания Андрей объяснил:

– Все очень просто. Каждый человек, кроме своего физического тела, имеет биополе, если тебе это понятно. Оно невидимо человеческому глазу, но некоторые люди, в том числе и

я, могут чувствовать его. Всякая болезнь начинается с разрушения одного из участков этого поля. И лишь затем страдает материальная оболочка. Я воздействую своими силами на поврежденные зоны, восстанавливая их первоначальное здоровое состояние. Таким образом я вылечиваю тело человека. Это – если в двух словах.

– Так ты, значит, врачеватель душ? – заключил Бес.

– Называй меня так, если тебе угодно. Но это определение не совсем точное, – не стал вдаваться в подробности Андрей.

– Монах! – не успокаивался Бес – Если я правильно понял, ты можешь определить болезнь, если она еще началась?

– Да! Нарушение биополя может не сразу отразиться на материальной оболочке.

– Тогда наверняка ты сможешь определить, какие болезни грозят мне в будущем. Я говорю о будущем, потому что сейчас меня ничего не беспокоит. Разве что похмелье... Но ведь от похмелья даже ты не можешь вылечить. – Он подмигнул своим собутыльникам. – Ну, а если найдешь какую-нибудь начинавшуюся болячку, сразу же вылечи ее, – строго закончил «пахан».

Андрей внимательно посмотрел на Беса, а затем ответил:

– Я не лечу таких людей, как ты. Это бесполезно. Твоя аура настолько темна, что я не в силах помочь тебе. Вероятно, в своей жизни ты натворил очень много зла и продолжаешь творить его дальше. Я могу сказать лишь одно. В следующем воплощении, то есть в твоей следующей жизни, ты будешь очень сильно страдать! Тебе придется на себе испытать все то зло, которое ты причинил людям!

– Ты много говоришь, монах! – со злостью в голосе рявкнул Бес.

Пьяная ухмылка исчезла с его лица.

Я знал, что это не предвещает ничего хорошего.

– Я говорю правду! – Андрей взглянул бледному прямо в глаза.

Несколько секунд они смотрели в упор друг на друга. Бес первым отвел свой взгляд. Опустив голову, он прошел мимо нас, словно потерял всякий интерес к разговору, да и к нам тоже. Я потянул Андрея за руку, и мы вышли из курилки.

– Зачем ты все это ему сказал? – спросил я, предчувствуя самые плохие последствия этого разговора.

– Он хотел знать правду. Теперь он ее знает, хотя очень сомневаюсь, что это остановит его. – В голосе монаха звучало неподдельное сочувствие. – Мне жаль его. Так же, как и остальных людей, совершающих подобные ошибки.

– Нашел, кого жалеть! – удивленно воскликнул я, а про себя подумал: «Наверное, я никогда не перестану удивляться поступкам моего друга». – Ты слишком хороший, Андрей, а в нашем мире это недопустимо.

– А я уверен, что доброта и любовь спасут мир! – убежденно ответил он.

– Если уж ты такой идеалист, то почему тогда бежишь из тюрьмы? – Я не смог удержаться, чтобы не подковырнуть его.

– Мы ведь не делаем никому зла тем, что бежим отсюда. Мы просто исправляем ошибку, допущенную правоохранительной системой, – спокойно ответил мой друг.

– Да, это точно. Мы просто исправляем несправедливость, и совесть наша чиста, – повторил я за Андреем. – Хорошо, пойдем спать. У нас завтра трудный день.

Мы разошлись по своим местам. Мне очень долго не удавалось заснуть. В голове постоянно прокручивались различные варианты нашего побега. Конечно же в таком случае все предусмотреть невозможно. Но, пользуясь логикой, можно просчитать действия наших преследователей и постараться упредить их.

Я слышал, как дневальный прошел в другой конец барака и с кем-то заговорил. Но, увлеченный своими мыслями, не обратил на это никакого внимания. Кому-то не спится, ну и что с этого?

Уже засыпая, я вдруг почувствовал, что меня тормошат за плечо. Я открыл глаза. Возле моей койки стоял испуганный Дохляк.

– Кот! – прошептал он. – Монаха вызвали на разборку. Я недавно ходил в туалет и мельком услышал разговор блатных. Они решили опустить его.

Сон как рукой сняло. Я вскочил на ноги и, не одеваясь, бросился в курилку. Слава Богу, я успел вовремя!

Двое подручных Беса уже скрутили Андрея, третий достал веревку, чтобы связать ему руки и ноги.

– Отпустите его! – крикнул я, вбегая в курилку.

От неожиданности блатные вздрогнули и отпустили монаха. Потеряв равновесие, он упал, грохнувшись головой о каменный пол. Я подошел к Андрею, присел на корточки и приподнял его голову. Никаких особенных повреждений не было, лишь небольшая ранка на лбу, из которой сочилась кровь.

– Эй ты! – пришел в себя Бес – Ты кто такой, что распоряжаешься здесь? Тебя кто звал сюда?

– Монах – мой друг. И вы ничего с ним не сделаете. – В моем голосе звучала твердая решимость, однако Беса это не смущило.

– Ах, он – твой друг! – со злобной иронией произнес он. – Значит, ты хочешь разделить участь своего друга? Извини, я сразу не понял, что вы хотите стать подружками после этой ночи! Братва, вместо одного «петушка» у нас будет два, – заржал урка.

После этих слов стало абсолютно ясно, что мирно разойтись с этой блатной компанией на этот раз не удастся. «Петух» – тягчайшее оскорбление на зоне. Оно смывается только кровью.

– Сначала вы должны будете убить меня, – еле слышно произнес я.

– Ну, это мы еще посмотрим! Скорее всего, ты сам повесишься после сегодняшней ночи. Валет, Крест! А ну-ка дайте этому крутому фраеру, чтобы у него кроме задницы ни одного живого места не осталось! А задницей мы займемся потом!

Валет и Крест, которые до этого держали монаха, злобно ощерились и пошли на меня. Я успел прислонить Андрея к стене и повернуться навстречу противникам.

Первым напал Крест. Он постарался пригвоздить меня к стене своим мощным ударом, но я успел уклониться в сторону. Кулак Креста сильно ударил в стену именно в то место, где еще долю секунды назад находилась моя голова. Блатной взвыл от боли и отскочил, прижимая к груди разбитый до крови кулак.

«Отлично, – подумалось мне, – одним меньше!»

Валет, в отличие от Креста, не спешил. Вероятно, он помнил мой бой со Слоном и понимал, что легкой победы в данном случае не добиться. Я решил сам ускорить события, пока Бесу не пришло в голову заменить Креста кем-нибудь другим.

Приблизившись к Валету и всем своим видом показывая, что буду бить рукой в голову, я неожиданно переменил направление атаки и ударил ногой по его коленной чашечке. Тот вскрикнул от боли, согнулся, обхватив ушибленное колено, и запрыгал на одной ноге. Тогда я подскочил к нему и изо всей силы ударил по затылку сжатыми в замок руками. После такого удара блатной свалился на пол и больше не вставал.

Занимаясь Валетом, я на несколько секунд упустил из виду Креста. За это время он успел подобраться ко мне сзади. Боковым зрением я уловил движение за спиной и понял, что избежать удара не удастся. Хорошо еще, что правая рука Креста была выбита, а левой он действо-

вал не так хорошо, как правой. К тому же в последний момент я успел чуть-чуть наклониться. Его удар пришелся по касательной мне в ухо. Казалось, что в голове зазвонили колокола. Ухо горело, словно к нему прислонили раскаленное докрасна железо.

Я тряхнул головой, приходя в себя и восстанавливая ясность мышления. Крест отвел руку для второго удара...

«Ну уж нет, – пронеслось у меня в голове, – второго шанса у тебя не будет!»

И когда противник начал движение, я нагнулся и, крутнувшись на одной, вогнал пятку второй ноги ему в солнечное сплетение. Блатной на мгновение замер, а потом стал медленно оседать на пол.

«Никакой пощады!» – решил я и ударом ноги в челюсть добил противника.

Что-то хрустнуло, и Крест замертво свалился на пол. Я оглянулся. Бес встал со своего места и кивнул троим подручным, еще не принимавшим участия в драке.

– Действительно, крутой фраер! Ну что, кто из вас сможет его уложить?

Блатные замялись. Они привыкли бить беззащитных, психически подавленных людей. А теперь, столкнувшись с реальной силой, стушевались.

– Нет проблем, Бес! – первым взял себя в руки Кореец.

Эту кличку он получил за раскосые глаза, знание приемов каратэ и умение владеть нунчаками. Несколько раз я видел, как он тренировался с ними, отрабатывая боевые приемы, и по достоинству оценил его мастерство.

– Я сам задела этого гада! – самоуверенно заявил Кореец.

Откуда-то из-за пазухи он достал нунчаки и крутнул ими восьмерку.

– Давай, Кореец! Только гляди не убей! Он мне еще нужен живым. – Бес одобрительно кивнул своему дружку.

Я прекрасно понимал, что очень тяжело голыми руками сражаться с человеком, у которого в руках такое грозное оружие.

Кореец медленно приближался, корча рожи и поигрывая нунчаками.

Я оглянулся в надежде найти хоть что-нибудь, что могло бы заменить мне оружие. Ничего... Ничего такого, что могло бы сойти за него. Тогда я быстро скинул с себя майку и, скрутив ее в жгут, взялся за оба конца. Конечно, матерчатый жгут – слабая защита, но все же это лучше, чем ничего.

Кореец ухмыльнулся, видя мои приготовления, и пошел в атаку. Несколько раз я отпрыгивал, стараясь избежать удара эbonитовой палки. Пока это удавалось. Однако долго так продолжаться не могло, и в конце концов противник прижал меня к стене.

Я видел, как он размахнулся, и успел заметить, что конец палки летит мне прямо в лоб. Мгновенная реакция спасла меня и на этот раз. Я успел отклонить голову. Эbonитовая палка сильно ударила в стену. Во все стороны брызнули осколки кафельной плитки и разлетелись по полу. В этот миг я подумал, что то же самое могло произойти с моим черепом, не успев я убрать голову. От этой мысли меня бросило в холодный пот.

Видя мою полную беззащитность перед ним, Кореец расслабился. Как в учебном бою, бравируя своим искусством владения нунчаками, он решил провести боковой удар. Именно этого я и ждал...

На большой дуге я успел перехватить эbonитовую палку, подставив жгут. Обмотав его вокруг, я изо всей силы дернул. Нунчаки выскользнули из рук Корейца и упали на пол.

Рефлекторно, не осознавая последствий, блатной нагнулся, чтобы подобрать свое боевое оружие. Конечно же этого я позволить ему никак не мог. Удар ногой пришелся ему в плечо и отбросил на несколько метров. Он упал на пол, но тут же вскочил на ноги, заняв боевую стойку каратэ.

Я быстро нагнулся и поднял с пола нунчаки. Кореец не знал, умею ли я пользоваться его оружием, но во что бы то ни стало решил вернуть его себе. Он прыгнул, стараясь достать меня

ногой. Я блокировал его ногу зажатыми в руках нунчаками. Кореец потерял равновесие и упал на пол, но успел при этом сгруппироваться. А вот встать он уже не успел. Сделав молниеносный выпад, я ударил его же оружием ему между глаз. После такого удара сотрясение мозга обеспечено, но мне было некогда жалеть своего врага. Борьба шла не на жизнь, а на смерть.

– Бес, может, ты сам покажешь, как надо драться? Давай разберемся как мужчина с мужчиной! – сказал я и отшвырнул нунчаки далеко в сторону.

Это оказалось большой ошибкой…

– Ну что ж! Ты заслужил свою смерть! – угрожающе ответил Бес, а затем, криво усмехнувшись, добавил: – Только в благородство я не играю! Надо кончать с ним, братва!

Он вытащил откуда-то из-за спины финку с наборной ручкой и перебросил ее из руки в руку. Двое подручных Беса тоже достали заточки и, поигрывая ими, пошли на меня. Теперь я оказался один против троих вооруженных противников. Ситуация не из приятных. Реально оценивая свои возможности, я прекрасно понимал, что победить этих троих у меня практически нет шансов. «Ну что ж! По крайней мере, умру достойно», – подумал я и стал пятиться в угол курилки, где хотя бы моя спина будет прикрыта.

Блатные не спешили, понимая, что деваться мне некуда.

– Все, тебе конец, Кот! – злобно прошипел Бес. – Сейчас мы из тебя ремней нарежем, а потом этими ремнями связем твоего друга монаха и побалуемся с ним.

Я на секунду взглянул на Андрея. Он все еще не пришел в сознание и сидел на полу курилки, прислонившись к стене.

– Если мне и суждено умереть, то я обязательно захвачу с собой кого-нибудь из вас, – прошептал я.

Блатные на секунду остановились, понимая, что это не пустая угроза. Они видели меня в бою и знали, чего я стою.

В этот миг дверь курилки распахнулась. На пороге показались Дохляк, Слон и еще несколько заключенных. Сзади напирали остальные. Скоро в курилку набились человек двадцать.

– Кто вас сюда звал? – рявкнул Бес, пряча руку с ножом за спину. – А ну, пошли вон отсюда!

Однако его приказ не возымел действия. Дохляк, от которого я этого никак не ожидал, выступил вперед и заявил:

– А нас теперь звать не надо! Мы решили, что хоть мы и зеки – все равно люди вольные. И твое слово нам не указ!

– Это кто ж так решил? Ты, что ли, Дохляк?

– Мы все решили, – ответил за Дохляка Слон. – Мы ведь не стадо баранов и понимаем, что ты хотел опустить монаха, который ничего плохого в жизни не сделал. Да и какой из тебя «авторитет», если ты со всем своим кодлом даже с одним человеком не можешь справиться?

– Это с кем я не могу справиться? С тобой, что ли, Слон? – Бес угрожающе взглянул на гиганта.

– Нет! Не со мной, а с ним. – Слон кивнул в мою сторону. – Мы ведь видим, что у вас ничего не получилось, – Он махнул рукой на блатных, все еще лежащих на полу без сознания.

Толпа зеков одобрительно загудела, соглашаясь с этими словами. Бес впервые столкнулся с таким явным неповиновением. Злобно сверкая глазами, как затравленный волк, он посмотрел на столпившихся у дверей и, перекрикивая гомон толпы, прорычал:

– Так чего вы хотите?

– Докажи нам, что ты – «авторитет», – за всех ответил Слон.

– Как?

– Ты заставлял нас биться между собой, чтобы узнать, на что мы способны. Теперь твоя очередь драться!

– С тобой, Слон? Или с тобой, Дохляк? – Урка вызывающе обвел взглядом толпу. – Ну, с кем?

– Нет, не с нами, а с Котом! Вы ведь и так выясняли! отношения, когда мы вошли сюда. Только теперь ты будешь с ним разбираться один на один. И без «пера». – Слон кинул выразительный взгляд на руку Беса, которую тот прятал за спиной.

Заключенные, набившиеся в курилку, совсем как присяжные, одобрительно закивали головами. Дружки Беса, видя настроение толпы, поспешили спрятать свои заточки и отступили назад. Бес, оставшись один, в порыве бессильной ярости с ненавистью посмотрел на Слона, затем перенес взгляд на остальных.

– Хорошо. – Он отбросил свой нож в сторону. – Сна чала я разберусь с Котом, а потом мы поговорим с каждым из вас.

Сделав несколько шагов назад, он снял рубашку и бросил ее на пол. Все его жилистое, мускулистое тело дрожало от перевозбуждения.

«Настоящий дикий зверь», – мелькнула у меня мысль.

И как бы в подтверждение этой мысли я увидел на груди у Беса свежую наколку приготовившегося к прыжку матерого волка, оскалившего пасть в звериной ненависти.

В этой картинке было что-то гипнотическое или даже мистическое. Какое-то старое воспоминание из моих самых жутких кошмаров, что-то давно забытое, стершееся из моей памяти...

Видимо, я слишком увлекся рассматриванием наколки, потому что пропустил момент начала атаки, – когда он прыгнул на меня, словно разъяненный хищник на свою жертву. В последнее мгновение я все же успел уклониться от прямого удара в голову. Кулак только чиркнул меня по челюсти. Но на этом его атака не закончилась. Мы оказались слишком близко друг к другу, и я не успел отреагировать на удар коленом, который пришелся в правое бедро. Если бы Бес попал мне в пах, то, возможно, наша битва была бы закончена в первые же секунды.

– Грязные приемы, Бес! – Я отпрыгнул к стене, потирая ушибленное бедро.

– В настоящей драке нет правил, – ухмыльнулся блатной. – И тебе придется почувствовать это на собственной шкуре, сучара! Я убью тебя голыми руками. Будь уверен!

Я ничего не ответил, понимая, что Бес не просто так «базарит». Он хочет отвлечь мое внимание, чтобы еще раз попытаться застать меня врасплох. Так и оказалось.

Еще мгновение назад урка спокойно стоял, и вот он снова летит на меня. Но на этот раз я был готов и, оттолкнувшись от стены, резко выбросил вперед правую ногу. Мой удар остановил противника и откинул назад. Он упал на спину, но тут же, перекатившись через голову, снова стал на ноги. Удар пришелся ему в мышцы пресса, не причинив больших неприятностей. Разве что дыхание чуть сбилось. Я бросился на него, не давая передышки. Бес отскочил в сторону, выставив вперед кулаки...

Еще несколько минут мы кружили, стараясь выбрать момент для решающей атаки. Пару раз мне удалось пробить его защиту, но при этом мои удары не попадали в нервные центры противника. Бес также пытался атаковать, но это были скорее имитирующие приемы, которыми он хотел заставить меня раскрыться хотя бы на секунду.

Я решил подыграть и, когда он в очередной раз проводил отвлекающий удар ногой, сделал вид, что поверил ему. Ставя нижний блок руками, я наклонился, открывая в то же время голову. Соперник не замедлил этим воспользоваться и сделал резкий выпад правой. Вкладывая всю свою силу в этот удар, он не догадывался, что этого я и жду.

Нагнувшись еще ниже, я проскользнул под рукой и, быстро развернувшись вокруг своей оси, захватил его кисть. Инерция удара все еще влекла Беса, и скоро он всей своей тяжестью навалился на меня, припечатавшись к моей спине. Я резко выпрямился и дернул его руку вниз, используя свое плечо, как опору. Почувствовав, как хрустнула ключица, я отпустил его кисть и, сделав «вертушку», нанес

боковой удар ребром ладони по шее противника. Урка отлетел в сторону и упал.

После такого удара, да еще со сломанной ключицей, люди обычно не встают. Но Бес, как заговоренный, уже через секунду открыл глаза и попытался подняться с пола.

– Может быть, хватит, Бес? – спросил я, удивляясь такой невероятной живучести.

– Я тебя, суку, все равно убью, – прохрипел он в ответ, с трудом разжимая губы.

Его правая рука висела как плеть, а левой он шарил по полу, помогая себе привстать. Через несколько секунд это у него получилось, и он, пошатываясь, встал на ноги. В левой руке Бес держал свою финку, которую подобрал с пола.

– Ты уже труп, Кот! Если не сегодня, то завтра. – С этими словами он бросился на меня, выставив вперед нож.

Я успел перехватить его руку и закрутил ее за спину. Вырвав финку из его ладони, я уже замахнулся, чтобы раз и навсегда покончить с этим страшным человеком, но тут услышал голос Андрея:

– Не делай этого, Алекс! Это все равно ничего не изменит в этом мире, а себя ты погубишь.

Я на секунду задумался, а потом перевернул нож и ударил рукояткой по затылку Беса. После этого удара он как подрубленный упал на пол, где так и остался лежать.

– Ты все правильно сделал, – сказал Андрей, подходя ко мне. – Прежде всего нужно оставаться человеком, что бы ни случилось и с кем бы тебе еще ни пришлось столкнуться в жизни.

Он посмотрел на толпу, замершую в дверях, а потом добавил:

– Это касается и вас! Никто не может заставить вас забыть, что вы люди, а не звери. **НИКТО!!!**

Глава 2

ОБРЕЧЕННЫЕ НА СМЕРТЬ

На следующее утро наш отряд в полном составе не вышел на работу. Так решили сами заключенные. Главным требованием бастующих было убрать из отряда Беса и его подручных.

Беса утром увезли в тюремную больницу, а блатные вели себя на удивление тихо. Они забились в угол барака и оттуда наблюдали за происходящими событиями, ни во что не вмешиваясь.

С самого утра в барак прибыло все лагерное начальство во главе с начальником колонии. Совместными усилиями они пытались разобраться, что побудило заключенных взбунтоваться и выдвинуть такие требования.

Заключенных по очереди вызывали в «красную» комнату для личной беседы. По всей видимости, кто-то из них был «стукачом», потому что некоторое время спустя вызвали меня и монаха.

– Молчи, Андрей! – сказал я возле двери. – Иначе будет только хуже.

Андрей понимающе кивнул. Постучавшись, мы вошли и, не зная, что делать дальше, остановились на пороге.

Седовласый полковник сидел за столом и внимательно изучал какие-то документы.

«Наши личные дела», – догадался я.

Еще несколько офицеров, собравшихся в этой комнате, рассматривали нас с ног до головы, не произнося ни слова.

Наконец-то полковник дочитал, поднял голову и посмотрел на нас долгим пристальным взглядом. Ох, как мне не понравился его взгляд! Какой-то холодный, безразличный, неодушевленный.

Наверное, за свою долгую карьеру этот человек повидал и испытал немало, что не могло не отразиться на нем. При такой службе практически невозможно остаться нормальным человеком. Тюремная система, частью которой являлись начальник лагеря и другие офицеры, постепенно искажает мышление и психологию. И если уж седовласый полковник так долго продержался в этой системе, да еще занял высокое положение, то это о чем-то говорило. Во всяком случае, мне...

После окончания школы я поступал в Московское высшее училище КГБ СССР. Тогда было еще и КГБ, и СССР. Были и мои юношеские мечты стать защитником добра и справедливости. Но эти мечты и иллюзии испарились еще раньше, чем распался Союз. Для этого вполне хватило месяца, проведенного в казармах училища. За это время я со всей отчетливостью понял, кого готовят подобные учебные заведения. Оловянных солдатиков, готовых бездумно выполнить любой приказ вышестоящих начальников, шестеренок государственной машины, перемалывающей всех инакомыслящих или несогласных с политикой и идеологией страны.

И мне это совсем не понравилось. Я не хотел становиться бездумным исполнителем чужой воли, поэтому, хоть и было чуть-чуть обидно, я облегченно вздохнул, когда выяснилось, что не прошел по конкурсу.

Подвела меня одна-единственная тройка в школьном аттестате по общественным наукам. Однако и этого оказалось достаточно. После экзаменов, которые я сдал на пятерки, было назначено собеседование. Опытный психолог правильно определил мои жизненные принципы и нашел их не соответствующими шаблону. После этого на карьере работника органов безопасности был поставлен крест.

Первое время после раз渲ала СССР, уже учась в институте, я не раз подумывал снова предложить свои услуги правоохранительным органам, но очень скоро понял, что ничего по сути не изменилось. Просто одна крупная государственная машина рассыпалась на кучу мелких, лишь внешне видоизменившихся в связи с новыми условиями жизни. А система осталась той же: сильные пожирают слабых, а тех, в свою очередь, – сильнейшие. На Земле так было во все времена. Вероятно, такова человеческая сущность...

– Котов и Перов, – начал полковник, выдержав значительную паузу. – Думаю, не надо объяснять, почему вас сюда пригласили.

Он замолчал, ожидая нашей реакции на его слова. Однако ее не последовало. Тогда начальник колонии кивнул майору Кротову – главному «куму» зоны.

– Нам известно, – как о вполне доказанном факте заявил старший оперуполномоченный колонии, – что сегодня ночью заключенные Котов и Перов спровоцировали драку, в которой одному из заключенных, а именно каптерщику Варламову, вы, Котов, сломали ключицу. Это верно?

Мы молчали, словно эти слова нас не касались.

– Кроме того, – как ни в чем не бывало, продолжил майор Кротов, – а это более существенно, вы подбивали заключенных на бунт. В первую очередь это относится к вам, Перов. Думаю, вы не будете этого отрицать?

И снова ответом на его вопрос было молчание.

– В сущности, ваши показания не столь уж и важны. Можете ничего не говорить. Это все равно ничего не меняет.

Это была неправда...

Признание, произнесенное при свидетелях, значило очень многое. Во всяком случае, в процессуальном плане.

Я уже открыл рот, чтобы возразить майору, но, встретившись с насмешливым взглядом начальника колонии, сдержался.

– Хорошо, – произнес тот, поняв, что фокус не удался. – Я вижу, Котов, вы уже получили зоновское образование. – Он имел в виду знания уголовного и уголовно-процессуального кодекса – двух основных наук на зоне. – Тогда давайте поговорим без свидетелей.

Он кивнул офицерам, и те вышли из комнаты.

– Чего вы добились? – спросил он и сам же ответил: – Думаю, что только дополнительного срока.

– За что? – удивленно спросил Андрей.

– Как за что? Вы что, сами не знаете? – наигранно спросил начальник колонии. – Тогда я изложу официальную точку зрения на события сегодняшней ночи. Вы, в неподложенное время, после отбоя находились в курилке. Что вы там делали – непонятно. Может быть, побег готовили! – Полковник даже не догадывался, насколько близки его слова к истине. – И когда каптерщик Варламов сделал вам замечание, вы зверски избили его, сломав при этом ему ключицу. А значит, нанесли тяжкие телесные повреждения. За такое преступление, к тому же групповое, вам придется нести ответственность.

– Вы не имеете права так поступать с нами, – возмутился Андрей. – Мы будем жаловаться на незаконность ваших действий.

– Я не имею права? – казалось, полковник наслаждается, играя с Андреем.

– Да! Вы ведь знаете, что все это – неправда. Мы ни на кого не нападали. У нас есть свидетели.

– Какие свидетели? Заключенные, которые прибежали в курилку на звук драки? Так ведь, когда они узнают, что могут пойти по этому делу как соучастники, никто из них и рта не раскроет. Да и не только поэтому, – многозначительно усмехнулся полковник.

Я сразу понял, что имеет в виду начальник колонии. Блатные запугают заключенных, и те под страхом смерти побоятся выступить на нашей стороне.

«Боже, какой беспредел! Как бороться с таким положением дел, когда даже начальник тюрьмы открыто выступает на стороне блатных», – подумал я, чувствуя, как ненависть опять наполняет мою душу.

Ненависть к системе, которая породила и воспитала таких выродков, готовых на все ради собственного благополучия и благополучия системы.

– Котов, вы же умный человек. Неужели вы не поняли, что колония – это не курорт. Это исправительное учреждение, и здесь действуют свои правила и свои законы. И никто, слышите, никто не вправе нарушить эти законы и остаться безнаказанным. – Полковник встал из-за стола и подошел ко мне.

Он в упор посмотрел на меня.

В его взгляде я увидел фанатичную преданность своему делу. Только на что эта преданность была направлена? На искоренение преступности? Не думаю… Возможно, когда-то это было так, но сейчас…

Начальник колонии первым отвел взгляд и спокойно добавил:

– Сейчас вас отведут в ШИЗО. Там вы сможете спокойно подумать о своей дальнейшей судьбе. Недели через две придет постановление суда о вашем дополнительном сроке. Лет по пять, я думаю, вам добавят. Хотя, после того что вы сделали с Бесом, это не столь уж важно, – Полковник снова многозначительно усмехнулся. – Капитан Ершов! – крикнул он.

Бежал молодой офицер и застыл по стойке «смирно».

– Позовите конвой. Пусть этих двоих отведут в изолятор и предоставят им отдельную камеру. Я не хочу, чтобы там с ними что-либо произошло. – Он сделал ударение на последней фразе.

Через пару минут явились конвойные и увели нас в штрафной изолятор.

Нам действительно предоставили отдельную камеру с двумя нарами, умывальником и даже унитазом. По зоновским меркам это был номер «люкс» в пятизвездочном отеле. Однако нас это не радовало.

– Что будем делать, Андрей? – спросил я, как только за нами захлопнулась дверь.

– Будем думать! – спокойно ответил он.

– О чем думать?

– О жизни и о том, как сбежать отсюда.

– По-моему, отсюда сбежать невозможно. – Я прошелся по камере, внимательно осматривая массивную дверь и голые бетонные стены. – Даже никакого окошка нет!

– Ничего, что-нибудь придумаем! – уверенно ответил монах и как ни в чем не бывало завалился на нары.

* * *

Время шло…

Дни сменяли ночи, хотя судить об этом можно было только по смене караула за дверью и раздаче пищи. За это время мы ни разу не вышли из камеры, даже еду нам подавали в специальное окошко.

Ни о каком побеге не могло быть и речи.

Ровно через две недели дверь камеры распахнулась. Конвойные надели нам наручники, как каким-то закоренелым преступникам, и отвели в кабинет начальника колонии.

– Заключенные Котов и Перов по вашему приказу доставлены, – отрапортовал старший конвойный.

— Можете идти, — ответил полковник, не поднимая головы. — Да, и снимите с них наручники.

С нас сняли наручники и оставили наедине с начальником лагеря.

— Садитесь, герои. — Полковник кивком головы указал нам на стулья. — Специально пригласил вас, чтобы попрощаться.

Мы с Андреем удивленно переглянулись, затем уставились на него.

— Вы не ослышались, именно попрощаться. Слишком уж много шума вы здесь натворили. Поэтому мы решили, что будет лучше перевести вас в другую колонию.

— Не хотите лишних неприятностей? — догадался я.

— Да, не хочу. О вас уже сейчас в колонии ходят легенды. А когда блатные доберутся до вас, что непременно случится, если вы останетесь здесь, тогда у меня на руках будут два свежих трупа и взбесившаяся толпа ваших поклонников.

— Вы хотите сказать, что в другом лагере блатные не доберутся до нас? — иронично спросил Андрей.

— Это не мои проблемы. Хотя, скажу вам по секрету, система связи у них работает отлично. Но, как я уже сказал, — это не мои проблемы. Мои заботы здесь, в моей колонии. Кстати, в вашем отряде восстановлен полный порядок. Правда, Варламова, или Беса, называйте его как хотите, пришлось перевести в другой отряд.

— Значит, вы выполнили требования бастующих? — радостно воскликнул я.

— Да, выполнил. Но это ничего не меняет. Знаете, как говорится, свято место пусто не бывает. На место Варламова назначен другой заключенный. Более умный и опытный. Думаю, он сможет лучше справиться со своими обязанностями. Через какое-то время страсти поулягутся, все забудется, и о вас уже никто не будет вспоминать. Вот такие-то у нас дела, герои. Да, совсем забыл. Как я и обещал, вам добавили срок. Каждому еще по пять лет. Можете ознакомиться с постановлением суда и расписаться.

Мы подошли к столу и расписались на каком-то бланке, даже не заглядывая, что там написано.

— Хорошо. Сейчас вас отправят на железнодорожную станцию. Я думаю, что мы с вами больше никогда не увидимся. Конвой!

Вошли конвойные и снова заковали нас в наручники.

— Прощайте, герои, — усмехнулся нам на прощание полковник.

Через час нас на специальной машине доставили на вокзал. Еще спустя какое-то время подошел поезд, к которому был прицеплен арестантский вагон. Нам разрешили выйти из машины.

Я обратил внимание, что сопровождающий нас капитан о чем-то долго и оживленно беседует с начальником арестантского вагона, время от времени показывая рукой в нашу сторону. «О чём они так напряженно спорят?» — подумал я.

Ведь что может быть проще: сдать арестованных из рук в руки. В конце концов капитан убедил своего коллегу. Я догадался об этом, когда увидел, что старший лейтенант согласно кивнул головой, бросив при этом быстрый взгляд на нас. Они пожали друг другу руки и разошлись.

Перед тем как завести в вагон, нас еще раз тщательно обыскали. Старший лейтенант стоял рядом. Когда у меня из кармана достали деньги, раздобытые для побега, начальник вагона сначала хотел забрать их, а потом внезапно передумал.

— Оставьте, — коротко приказал он конвойным.

Те удивленно посмотрели на него, но выполнили приказание. Что-то здесь было не так...

Интуитивно почувствовав это, я поднял голову и внимательно посмотрел на старлея. Его глаза постоянно бегали, как у человека, совершившего или собирающегося совершить какую-то подлость.

«Что же такое сказал ему про нас капитан?» – Эта мысль, как ржавый гвоздь, засела у меня в голове.

Через несколько минут нас завели в вагон и закрыли в отдельной камере. В соседних «купе», отделенных от нашего лишь толстой решеткой, находились по шесть – восемь человек.

– За что это вам такой почет? – спросил невзрачный мужичонка из соседней камеры.

– Не знаю, – честно ответил я.

– Вы что, пытались бежать? – не унимался сосед.

– Да вроде бы нет.

– Но ведь вас из лагеря переводят?

– Да! А откуда вы знаете? – Вопросы словоохотливого попутчика стали казаться мне подозрительными.

– Это сразу видно по вашей одежде. Я уже не в первый раз качу на зону и знаю, что из одного лагеря в другой переводят только беглых или тех, кому добавили срок, – объяснил урка.

– Так оно и есть!

– Да, не повезло вам!

– Это точно. Не повезло так не повезло. – Я усмехнулся – а вы случайно не знаете, куда нас везут? – спросил я, решив извлечь хоть какую-то пользу из нашего разговора.

– Знаю, как же не знать. Меня как рецидивиста уже во второй раз туда направляют. На «девятку» нас везут. Хотя я сомневаюсь, что тебе это о чем-нибудь говорит.

Я чуть было не подпрыгнул от удивления. И было от чего!

В детстве я много слышал об этом лагере. Да и как мне было не слышать, если эта зона находилась недалеко от моего родного города, в котором прошли мое детство и юность.

Я повернулся к Андрею и подмигнул ему. Тот уставился на меня ничего не понимающим взглядом, пытаясь догадаться, что могло так обрадовать меня.

Во время ужина, который нам разносили по камерам, я вполголоса поведал другу причину моей радости.

– Может быть, нам удастся сбежать оттуда. Ведь я отлично знаю все окрестности, да и друзья у меня в городе еще остались, – шепотом добавил я. – К тому же это место находится недалеко от границы с Россией. И если нам удастся перебраться через границу – считай, что мы спасены. Это будет уже другая страна, и никто нас там искать не станет.

Андрей кивнул головой, соглашаясь с моими словами. Мы поужинали. Дежурные собрали посуду и под присмотром конвойного отправились ее мыть.

Через несколько минут опять появился конвойный. От него явно несло перегаром, да и походка была нетвердой. Он открыл дверь нашей камеры, ткнул пальцем в Андрея и приказал:

– Эй, ты! Выходи! Поможешь дежурным помыть посуду.

Когда за монахом закрылась дверь, я улегся на нары и постарался вспомнить окрестности нашего города. А конкретно – район, примыкающий к зоне.

В годы юности мне довелось много раз бывать в той местности, выезжая с друзьями на пикники. Несколько раз я издалека рассматривал колючую проволоку ограждения лагеря, не подозревая тогда, что мне придется оказаться внутри этого ограждения. Точно говорят: знать бы, где споткнешься – соломки бы подстелил.

Я так задумался, что даже не заметил, когда вернулся Андрей. И только, когда он сел рядом со мной и слегка тронул за плечо, я открыл глаза и вопросительно посмотрел на него.

– Алекс! – шепотом произнес он. – У меня хорошие новости. Только что я убирал посуду из караульного помещения. Так вот, весь конвой напился и заснул прямо в караулке. Из вагона можно выйти, и никто этого даже не заметит. Двери все открыты. Я проверял.

– Да, осталось только выбраться из нашей камеры, – иронично усмехнулся я.

– А может, попробуем как-нибудь выбить этот замок? Я гарантирую, что наших охранников сейчас даже из пушки не разбудишь.

— Очень сомневаюсь, что мы сможем что-либо сделать, — сказал я, но все же встал с нар и подошел к двери.

Дернув за решетку, я чуть было не упал. Слегка скрипнув, дверь открылась. Все еще не веря своим глазам, я уставился на открывшийся проем.

— Бежим, Алекс, бежим! — прошептал Андрей, подхватывая меня под руку. — Сама судьба посыпает нам такой шанс!

Он уже шагнул за порог камеры, когда я пришел в себя и воскликнул:

— Стой! Как могло получиться, что наша дверь не закрыта?

— Меня сопровождал сюда старлей. Может, он просто забыл запереть ее, — предположил монах, выглядывая в коридор.

— Подожди, Андрей! У меня такое впечатление, что здесь все не так просто. И дверь камеры не закрыта, и караул пьяный. Слишком уж все идеально получается, как будто кто-то специально спланировал наш побег.

Я задумался. Словно вспышка молнии, в моем мозгу мелькнула догадка, объясняющая все эти странные стечения обстоятельств.

Мне вспомнилось, как капитан Ершов уговаривал начальника арестантского вагона…

Теперь все стало на свои места.

— Андрей, а ты видел, пил начальник вагона или нет? — Я решил проверить свою догадку.

— Нет, не видел. — Он на секунду задумался. — Но перегаром от него разило. Я слышал, как он говорил солдатам, что пойдет спать в свое купе.

— Я думаю, что он не спать туда пошел. А вот нам лучше вернуться на свои места и попробовать заснуть. Это ловушка, Андрей. Я уверен в этом. А старлей только и ждет, когда мы предпримем попытку к бегству, чтобы пристрелить нас.

— Но зачем ему это?

— Я видел, как он разговаривал с капитаном, сопровождавшим нас из лагеря. По их жестикуляции было понятно, что капитан убеждал начальника караула сделать что-то, выходящее за рамки служебных обязанностей. И он его убедил. Теперь тебе все понятно?

— Да. Очевидно, это указание начальника колонии. Для чего, да и для всех остальных, будет лучше, если мы погибнем при попытке к бегству.

— Все верно. Только мы не доставим им такого удовольствия.

Мы закрыли дверь и вернулись на нары. Вероятно, начальник вагона наблюдал за нами через какой-нибудь потайной глазок. Мне даже показалось, что я услышал, как он чертыхнулся, увидев, что мы вернулись в клетку. Видимо, он понял, что его план разгадан и мы не собираемся бежать.

Прошел час. Тишину нарушил лишь мирный храп зеков да перестук вагонных колес. Мне не спалось.

— Андрей, — шепотом позвал я, — ты спишь?

— Нет, — ответил он, поворачиваясь ко мне и открывая глаза.

— А что, если нам действительно попытаться сбежать сейчас? Двери до сих пор открыты, а старлей уже наверняка не наблюдает за нами. Он не ожидает, что мы решимся на этот шаг. Давай-ка его удивим!

— Я согласен, — не задумываясь, ответил Андрей. — В любом случае нам необходимо бежать. Так лучше сделать это сейчас, когда у нас только один реальный надсмотрщик. У тебя есть план?

— Да, я уже все продумал. Первым делом необходимо обезвредить старлея. Остальными займемся потом. Ты оставайся пока на месте, а я займусь начальником вагона.

Андрей согласно кивнул. Я встал и очень осторожно, стараясь не скрипеть, открыл дверь. Это удалось. Решетка открылась практически бесшумно. Даже зеки в соседних камерах не проснулись.

Пробравшись по коридору, я подошел к двери купе начальника караула и попробовал ее открыть. Не тут-то было. Купе было заперто изнутри.

«Ну что ж, придется рискнуть», – подумал я и постучался.

– Товарищ старший лейтенант! – стараясь подделать голос одного из конвойных, произнес я. – Скоро станция.

– Сейчас иду, – раздался ответ, и за дверью послышалось шуршание.

Дверь открылась и на пороге появился старлей, протирая заспанные глаза. Он не успел еще ничего сообразить, как получил сильный удар ребром ладони по шее и начал оседать на пол. Подхватив обмякшее тело, я затащил его обратно в купе. Уже через минуту начальник караула лежал в своей кровати в наручниках и с кляпом во рту.

Прихватив с собой несколько пар наручников, я позвал Андрея. Вдвоем мы подошли к караулке и, осторожно открыв дверь, вошли.

Здесь действительно была грандиозная попойка. На столе стояли несколько пустых бутылок из-под водки, валялись остатки закуски. Охранники вповалку лежали кто где.

Они даже не проснулись и только что-то бурчали во сне, когда мы закручивали им назад руки. Через пару минут все конвойные были в браслетах.

– Отлично, – прошептал я Андрею. – Половина дела сделана. Сейчас давай вернемся в купе старлея. Надеюсь,

он уже очнулся.

– Зачем? – не понял он.

– Скоро поймешь, – коротко ответил я.

Мы подошли к купе и прислушались. Старший лейтенант уже очнулся, потому что из-за приоткрытой двери было слышно глухое сопение и мычание. Вероятно, наш пленник пытался избавиться от кляпа, чтобы позвать на помощь.

– Все нормально, Андрей! – негромко, но все же достаточно для того, чтобы разговор был слышен через тонкую перегородку, произнес я. – Конвой связан и отдыхает, так что никто преследовать нас не будет. На ближайшей станции сойдем с поезда и уйдем в лес. Недельки две отсидимся, пока нас не перестанут искать, а потом решим, что делать дальше.

Я подмигнул монаху, и он понял, какую игру я веду.

– А что мы там есть будем? – подыграл мне Андрей.

– Я прихватил несколько банок тушеники из караулки. На первое время хватит. – С этими словами я потянул своего друга к выходу из вагона.

Спустя полчаса поезд остановился. Переодетые в солдатскую форму, мы спокойно спустились со ступенек тамбура и огляделись.

Стояла ночь, и на вокзале практически никого не было. Никто не обратил на нас внимания, а мы конечно же не. бросились в лес, а забрались на одну из грузовых платформ нашего же состава и залезли под брезент.

Там оказался хлебоуборочный комбайн. Не долго думая, Андрей залез в кабину, а я уселся прямо на пол платформы и прислонился к колесу, от которого исходил тонкий аромат пшеничных колосьев. Это был запах свободы. Такой долгожданной и выстраданной нами...

Ночь прошла спокойно. При каждой остановке поезда я выглядывал из-под брезента, но до самого утра ни один человек не заинтересовался арестантским вагоном.

Ночные звезды тускнели. В предрассветных сумерках я стал узнавать знакомые места. Ведь раньше мне не раз доводилось ездить по этому маршруту, правда, не в таком качестве.

Взобравшись на громоздкую технику, через опущенное стекло я толкнул монаха, который мирно посапывал, как ни в чем не бывало.

– Андрей, просытайся! Мы уже приехали. Скоро узловая станция, и нам лучше всего сойти с поезда именно там.

Он проснулся и вылез из кабины, протирая глаза и потягиваясь.

– Вот это я поспал! Должен сказать, что на свободе намного лучше спится.

– Что-то ты рано расслабился, дружище. Еще не время праздновать победу, но, должен признать, нам пока исключительно везет. Прошла ночь, а побег до сих пор не обнаружен.

– Ты уверен?

– Да. Я внимательно наблюдал за арестантским вагоном. Никто не входил туда, и никто не выходил.

– А по радио они ни с кем не могли связаться?

– Думаю, что нет. – Я показал Андрею плату, которую предусмотрительно вытащил из рации в купе старлея. – Без нее их аппаратура – не более чем груда металломолота. Но нам все равно лучше поторопиться. Я считаю, что безопаснее всего выпрыгнуть перед станцией, а потом выйти на дорогу и попытаться поймать попутку. Запомни, если кто-нибудь нас спросит, – мы – «партизаны» и возвращаемся из самоволки. Будем придерживаться такой легенды, тем более что вид у нас соответствующий.

Поезд стал замедлять ход. Я выглянул из-под брезента. Состав медленно тянулся вдоль темных пакгаузов и переездов, стуча колесами на стрелках.

– Пора, Андрей. Впереди станция.

Легко соскочив с платформы, мы быстрым шагом направились в лесную полосу, в плотную подходившую к железнодорожному полотну. И снова никто не обратил на нас внимания.

Целый час пришлось потратить, чтобы обойти станцию стороной и выйти на автомобильную трассу.

Минут через десять удалось поймать попутку. Водитель грузовика, услышав, что «вояки» возвращаются из самоволки и очень спешат, согласился даже сделать лишний крюк и высадил нас недалеко от воинской части. Сердечно поблагодарив его, мы вылезли из машины и, дождавшись, пока та скроется за поворотом, направились к дому друга моего детства – Женьки Князева, который жил как раз неподалеку.

Нажав на кнопку звонка, я молил Бога, чтобы Женька оказался дома. Нам снова повезло. За дверью послышался скрип половиц и шарканье шагов.

– Кто там? – раздался сонный голос.

– Свои, Жека! – негромко сказал я и еще тише добавил: – Это я – Алекс.

Дверь приоткрылась. На нас уставилась заспанная физиономия.

– У меня что, белая горячка? – встряхнув взлохмаченной головой, спросил ее хозяин.

Однако это не помогло, и тогда он потрогал меня рукой и сказал:

– Ну, слава Богу. А то я думал – у меня уже крыша поехала. Заходите, – Евгений пошире открыл дверь, пропуская нас в дом. – Алекс, надеюсь, ты мне объяснишь, что это за маскарад.

– Конечно, только сначала умойся, а потом я все расскажу.

Женька снова потряс головой, как бы стряхивая наваждение, а затем произнес:

– Хорошо. Проходите пока на кухню. Алекс, сделай, пожалуйста, кофе, ты знаешь, где что стоит.

Я действительно хорошо знал обстановку в квартире моего друга. Много раз мы собирались здесь, устраивая вечеринки, когда мне удавалось приехать в родной городок. Здесь почти ничего не изменилось со времени моего последнего приезда.

Мы прошли на кухню, и, пока Женька умывался, я заварил кофе.

– Алекс, дружище! – В кухню ворвался посвежевший после душа хозяин квартиры, мы обнялись. – Как я рад тебя видеть! Извини, что принял вас так негостеприимно. Вчера была большая пьянка, и я до сих пор никак не могу прийти в себя. Голова трещит, ноги ватные, а тут еще звонок. Думаю, кого это черти принесли в такую рань? Так что простите засранца.

– Да ладно. Все нормально, мы не в обиде. Кстати, познакомься, это – Андрей – тоже мой друг.

— Очень приятно. — Женька протянул ему руку. — Друг моего друга — мой друг, — заявил он и, сняв с плиты кофейник, стал разливать кофе по чашкам. — Ребята, может, вы есть хотите? — внезапно вспомнил он, подавая нам кофе.

— Очень умная мысль. Мы просто умираем от голода, — не замедлил я с ответом.

— Так в чем проблема? Мой холодильник в вашем распоряжении. Правда, кроме колбасы и консервов, вы там вряд ли что найдете.

— После тех харчей, на которых мы сидели последние несколько месяцев, бутерброд с колбасой — райское наслаждение.

— Где это вас так кормили? — мимоходом поинтересовался Евгений, направляясь к холодильнику.

— В тюрьме. — Я выжидающе смотрел на своего друга. Женька замер на месте, оглянулся и пристально посмотрел на меня.

— Ты серьезно?

— Серьезней некуда! Скажу больше, еще лет десять мы должны были бы получать тюремную пайку.

— Вы что, сбежали из колонии? — догадался он.

— Да. Пришлось…

Пока Женька делал бутерброды, я в общих чертах описал нашу историю. Он внимательно слушал, время от времени поглядывая то на меня, то на Андрея.

— Теперь ты знаешь, почему мы оказались у тебя в таком виде. И нам нужна помощь, — закончил я, глядя ему в глаза.

Он не отвел взгляд и спокойно ответил:

— Конечно, я помогу вам. Друзья для того и нужны, чтобы поддерживать друг друга в трудную минуту. — И, улыбнувшись, добавил: — Господа зеки, кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста!

Второго приглашения не потребовалось. И на какое-то время на кухне воцарилась тишина, если не считать негромкого чавканья и прихлебывания. Мы с Андреем с большим удовольствием уплетали бутерброды с колбасой, запивая их кофе. Женька задумчиво прихлебывал из своей чашки, наблюдая, с какой жадностью мы набросились на пищу.

— Ребята, — произнес он, когда с бутербродами было покончено. — Не хочу показаться негостеприимным, но думаю, что лучше всего вам здесь не задерживаться. Это слишком опасно. Я могу сегодня же переправить вас в Россию, пока менты не перекрыли дороги. Там ведь тоже неглупые люди. Поднимут твоё личное дело, узнают, откуда ты родом, и передадут ориентировку на задержание в местную милицию. Тогда будет намного сложнее вырваться отсюда.

— Мы тоже так считаем. Правда, нам удалось пустить их по ложному следу, но боюсь, что это ненадолго. Так что время сейчас очень дорого.

— Значит, с этим все ясно. — Князев рубанул себя по коленке рукой (привычка осталась еще с детства), словно говоря, что вопрос решен и возвращаться к нему не стоит. — Так. Что еще? Деньги… Деньги я дам. Не очень много, но на первое время хватит. Документы… Вот с этим — проблема. За такой короткий срок я не смогу достать вам ничего стоящего. Ладно, проскочим границу, а там что-нибудь придумаем.

Он оценивающее посмотрел на меня, потом на Андрея и добавил:

— Одежду конечно же придется сменить. Ведь не можете вы в солдатской форме украинской армии разъезжать по России! Возьмете мою. Думаю, что подойдет. Ну, вроде бы все. Основные вопросы решены, а детали обдумаем по ходу действия.

— Женька, я не знаю, как благодарить тебя…

— Перестань, Алекс! Окажись я на твоем месте — ты сделал бы то же самое. Мы — друзья. И этим все сказано. Поели? Пошли подбирать одежду.

Через час мы сидели в кабине микроавтобуса и неслись со скоростью сто километров в час по направлению к границе. Женька уверенно, можно сказать, даже слишком уверенно, вел машину. Так, словно он каждый день возил сбежавших из тюрьмы заключенных.

– Чем ты сейчас занимаешься? – поинтересовался я, удивленный его спокойствием и хладнокровием.

– Веду машину, – пошутил он, но, кинув на меня взгляд и увидев, что я даже не улыбнулся, продолжил: – А если серьезно – гоняю контрабанду. В Россию – спирт, назад – бензин. Сам понимаешь, дело рискованное, но другого выхода нет. Честно работать невозможно – с голоду ноги протянешь. Надоело все до чертиков, однако такова жизнь. И мы ничего не можем с этим поделать. Наша система не позволяет этого.

– И здесь система, – задумчиво произнес Андрей. – Система заставляет хорошего человека совершать противозаконные действия. Парадокс...

– А я уже ничему не удивляюсь, – сказал я. – Просто не хочу быть частью этой системы, вот и все.

– Ну и как, получается? – иронично спросил Андрей. Я задумался. Задумался о наших непростых судьбах.

Государственная система перевернула их, а тюремная – чуть было не искалечила навсегда.

Почему это произошло? Кто виноват в этом? На эти вопросы у меня не было ответа.

Через границу перебрались без приключений. Князев знал все обездные и проселочные дороги, а дополнительных постов милиция и таможня сегодня не выставляли.

– Все, мужики! Мы в России, – произнес он, въезжая в маленький городок. – Сейчас остановимся и попробуем достать вам какие-нибудь документы.

Женька высадил нас возле фотоателье. Пока мы с Андреем фотографировались, он успел куда-то смотреться и, вернувшись, сообщил:

– Все нормально. Давайте свои фотографии. Через два часа паспорта будут готовы.

– Как тебе это удалось? – удивился я.

– Просто я здесь знаю кое-кого, занимающегося подобными делами. А вообще-то за деньги сейчас можно сделать все. Нужно просто знать, к кому обратиться и сколько заплатить. Такова жизнь, дружище! – С этими словами он исчез, захватив с собой наши фотографии.

Через пару часов мы стали обладателями паспортов с чужими фамилиями, но нашими фотографиями. Женька отвез нас на железнодорожную станцию и посадил в электричку, идущую на Ростов.

Прощались без слов... Просто обнялись, понимая, что, возможно, нам больше никогда не придется увидеться.

* * *

Еще в электричке мы решили не задерживаться в Ростове. Это было небезопасно, учитывая близость границы с Украиной, а значит, возможность прямых контактов служб безопасности и милиции обеих держав. Я был уверен, что розыскная машина уже запущена и сейчас наши фотографии и описания находятся во всех милиционерских компьютерах Украины.

Нельзя было исключать и вероятность того, что кто-нибудь из розыскников просчитает наши действия и передаст информацию о побеге в приграничные районы России. Немного зная о милиционской системе поиска преступников, я догадывался, что приблизительно так все и произойдет в ближайшем будущем. Все свои умозаключения я выложил Андрею по пути в Ростов.

– Ты прав, – согласился он. – Нам нельзя здесь задерживаться. Более того, я думаю, что нас будет искать не только милиция.

– А кто же еще? – не понял я.

– Ты помнишь, что говорил нам начальник колонии по поводу системы оповещения в криминальном мире? Не думаю, что он тогда врал. А это значит, что очень скоро все криминальные структуры будут заинтересованы в нашей поимке или смерти. Второе – более вероятно.

– Ну, конечно. За наши головы назначат денежные премии, – иронично буркнул я.

– Ты смеешься? Не веришь, что это реально?

Я промолчал, а Андрей возбужденно продолжил:

– Криминальные структуры – реальность. На Земле – это четвертая власть. И возможности этой власти практически безграничны. Так всегда было и, вероятно, всегда будет.

– Интересно, откуда ты можешь знать так много о криминальном мире? – Я хотел улыбнуться и свести этот разговор к шутке, но передумал.

Монах смутился на секунду, как будто не зная, что ответить на такой простой вопрос.

– Просто знаю, – в конце концов нашелся он. – А кто сейчас не знает о всемогуществе мафии?

Уже в который раз я обращал внимание на то, что Андрей, казалось, знает намного больше, чем говорит. За последние месяцы мы стали с ним настоящими друзьями, но для меня он до сих пор оставался человеком-загадкой.

В Ростов прибыли поздно вечером. На железнодорожном вокзале нам удалось взять билеты на ночной поезд до Краснодара. Все обошлось без приключений и неприятных сюрпризов, и ранним утром следующего дня, сойдя с поезда на краснодарском железнодорожном вокзале, мы наконец-то почувствовали себя более или менее в безопасности.

– Есть предложение махнуть куда-нибудь на морское побережье, – предложил Андрей. – Купальный сезон уже открыт и в курортных поселках полным-полно отдыхающих. Думаю, что никого не удивит прибытие еще двух дикарей, желающих поправить свое здоровье на морском побережье.

– Согласен! Солнце, море, пляж, полуобнаженные девушки... О чем еще может мечтать бывший зек? – радостно воскликнул я.

– Я знаю один курортный поселок, приходилось бывать там раньше. Гарантирую крышу над головой и питание.

– Отлично! Так чего же мы ждем? Поехали в рай для беглецов! – Я уже настроился на море и был готов лететь туда на крыльях.

– Подожди. Сначала необходимо экипироваться соответствующим образом. Где ты видел людей, приезжающих на море, допустим, без плавок? – вполне резонно заметил мой друг.

Спустя некоторое время, закупив все необходимые пляжные аксессуары, начиная от плавок и заканчивая солнцезащитными очками, усталые и довольные, мы отправились на автовокзал. Еще несколько часов езды на автобусе – и нашему взору открылась великолепная картина.

Голубая морская даль, сливающаяся с небесным горизонтом. Яркое солнце на безоблачном небе. Горы, покрытые причудливой зеленью лесов с прибрежной стороны и круто обрывающимися скалами – с морской.

Будь я художником, то, наверное, написал бы такую картину и повесил у себя в квартире...

Но я не художник, да и квартиры у меня сейчас нет. Следовательно, единственное, что мне оставалось – любоваться красивейшим пейзажем, заранее предвкушая все прелести отдыха в этом прекрасном месте.

В поселке, куда доставил нас автобус, мы вышли и, непроизвольно ускоряя шаг, направились к указанному Андреем санаторию.

И снова нам повезло.

Андрей очень скоро нашел директора этого учреждения, и спустя пять минут мы стали обладателями маленького двухместного номера.

По правде говоря, меня несколько удивил радушный прием, оказанный нам не только директором санатория, но и всем обслуживающим персоналом. Немного позже я узнал причину такого отношения.

Оказалось, что Андрей в прошлый свой визит вылечил директора санатория от неизлечимой, с точки зрения современной медицины, болезни. Да и не только его. Он помог многим сотрудникам и отдыхающим избавиться от различных болезней. Вот поэтому все так и обращались его приезду.

Земля-то, как известно, круглая, и добро рано или поздно возвращается к тому, кто его посеял.

Наскоро побросав вещи и переодевшись, мы выскочили из номера и побежали на пляж. Море приняло наши разгоряченные тела в свои прохладные объятия. Казалось, что с каждой секундой куда-то на задний план отступает тоска и тревога. Так хорошо и спокойно мне уже давно не было.

– Андрюха! Ты посмотри, какие девушки! Королевы! Мой друг только тихонько посмеивался, наблюдая за тем, как я с ног до головы осматриваю полуобнаженных загорелых девиц, то и дело снующих мимо нас по своим пляжным делам.

– Я вижу, что тебя очень интересует женская половина человечества? – Андрей улегся на спину, подставляя грудь

для загара.

– Конечно! Ведь это естественно. Тем более что я почти полгода был лишен женского общества. – Я устроился рядом с ним, лежа на животе. – А тебя что, не интересуют женщины?

– Ну, как тебе сказать… У меня немного другие интересы, и к тому же я немного староват для этого.

– Староват? – Я приподнял голову и оценивающе посмотрел на своего друга. – Не думаю, что ты намного старше меня.

– Как сказать… – многозначительно заметил он.

В его ответе было много неясного. Я уже собирался спросить, что подразумевается под этими словами, но тут мое внимание привлекла непонятная суeta невдалеке от нас.

Метрах в двадцати от того места, где мы нежились под ласковыми солнечными лучами, собралась целая группа людей.

– Там что-то происходит. – Я толкнул Андрея, указывая на собравшуюся толпу. – Идем, посмотрим.

– Что случилось? – спросил он, когда мы подошли к месту собора.

– Человеку плохо! – ответила одна из женщин и с соболезнующим видом высказала предположение: – Наверное, сердце…

Услышав это, монах раздвинул людей и протиснулся через толпу. Я последовал вслед за ним.

Прямо на песке лежал мужчина лет пятидесяти. Его глаза были широко открыты, зрачки закатились. Прерывистое дыхание больше походило на предсмертный хрип.

Рядом суетилась молодая девушка, тщетно стараясь привести больного в сознание.

– Очнись, папа! – Приподняв его голову одной рукой, девушка второй несильно хлопала мужчину по щекам.

Но все ее усилия были напрасны. Похоже, что с каждой секундой ему становилось все хуже и хуже.

– Пропустите! Я – врач. – Андрей отодвинул в сторону зевак и подошел к лежавшему без сознания.

— Держи голову, — произнес он, обращаясь к девушке. — Алекс, принеси холодной воды и сооруди какой-нибудь навес. Нам нужна тень.

Пробравшись сквозь расступившуюся толпу, я подбежал к нашим вещам и, захватив подстилку и бутылку с водой, вернулся назад. Воду я положил возле Андрея, присевшего рядом с больным и производившего какие-то манипуляции своими руками, а сам подозвал одного, стоявшего ближе всех ко мне молодого человека и протянул ему другой конец покрывала.

Тот сразу же сообразил, что надо делать. Мы присели и натянули материю, соорудив таким образом импровизированный навес. Андрей тем временем прекратил свои манипуляции и, взяв бутылку, несколько раз побрызгал на лицо и на грудь пострадавшего. Тот вздрогнул. На секунду его глаза закрылись. Но потом он снова открыл их и уже осмысленным, но недоуменным взглядом уставился на Андрея.

— Все нормально, — успокоил его монах. — Лежите спокойно.

— Что случилось? — Мужчина перевел взгляд на заплаканное лицо девушки.

Она ничего не могла ответить, слова застряли у нее в горле. За нее это сделал Андрей:

— Ничего особенного! Просто вы потеряли сознание. Вот и все. А теперь вам необходимо некоторое время спокойно полежать. Затем мы поможем вам добраться до санатория. Так что волноваться не о чем.

Собравшиеся вокруг люди, увидев, что пострадавший пришел в себя, стали постепенно расходиться. И через несколько минут вокруг нас бурлила обыкновенная пляжная жизнь.

За это время я успел внимательно рассмотреть нашего подопечного и его дочку.

У этого пожилого человека было лицо интеллигента, а фигура атлета. Подобное сочетание слегка удивило меня. В таком возрасте люди, занимающиеся умственной работой, обычно не уделяют внимания физическим упражнениям. И наоборот, те, что работают физически, не имеют лица интеллектуала. Здесь же налицо были оба признака, поэтому я затруднялся определить, чем занимается этот человек.

Дочь была очень похожа на своего отца. Голубоглазая блондинка с умным, открытым, добрым лицом. Точеная фигурка с формами зрелой девушки лет двадцати — двадцати пяти.

Пока я изучал наших подопечных, монах вновь занялся мужчиной. Несколько раз он провел руками по его телу, время от времени касаясь пальцами определенных точек на груди и животе. Затем переместил свои руки на голову больного и проделал те же манипуляции, что и на теле, но только намного медленнее и осторожнее.

Я много раз наблюдал за тем, как Андрей занимается лечением, и когда-то спросил у него, как он это делает.

— Понимаешь, — ответил он, — человеческое тело как биологическая машина. Если знаешь, как работает эта машина, какие функции выполняет определенный орган, то всегда можно найти способ отрегулировать его работу, то есть вылечить тело. Гораздо труднее вылечить душу...

Я конечно же понимал, что все не так просто, как говорит мой друг. Для такого лечения необходимы огромные знания, талант и огромное желание помочь людям. Что касается души, то в этом вопросе все мои знания ограничивались художественными книгами и фильмами.

С детства на уроках по общественным наукам нам вбивали в голову, что души не существует. И горе тому, кто не соглашался с таким «научным фактом». Кстати, в свое время я был покаран одним из учителей за излишнее любопытство в этой области, что, в свою очередь, сыграло определенную роль в моей жизни. Впрочем, речь сейчас не об этом.

Через несколько минут Андрей закончил сеанс лечения. Мужчина открыл глаза и уже совершенно нормальным голосом спросил:

— Вы — экстрасенс?

— Можно сказать и так, — улыбнулся целитель. — Как вы себя чувствуете?

— Я уже забыл, когда чувствовал себя лучше, — ответил пациент и, словно в доказательство своих слов, приподнялся и сел.

— Ну, вот и хорошо. Алекс, можешь убирать навес. Он уже не нужен.

Убрав покрывало и поблагодарив парня, оказавшего мне помочь, я сходил за одеждой и вернулся назад. Андрей тем временем помог девушке собрать их вещи.

— Я извиняюсь, что доставил вам так много хлопот, — произнес мужчина, поднимаясь с песка. — Не знаю, как и благодарить вас. Позвольте хоть узнать имена моих спасителей.

— Меня зовут Андрей, а его — Алекс.

— Алекс! Это Алексей или Александр?

— Алексей, но мне больше нравится, когда меня называют Алексом, — ответил я.

— Очень приятно! Позвольте и нам представиться. Сергей Иванович Мохов — доктор исторических наук, археолог. А это — моя дочь Лена. Научных степеней пока не имеет, но у нее все впереди. По специальности она тоже археолог.

— Спасибо вам большое! — Голос у девушки оказался очень приятный. — Не знаю, что бы я без вас делала. Врачи предупреждали папу, что ему нельзя находиться на солнце, а он их не послушался. Мы только сегодня приехали — и сразу такое происшествие.

— Это был испытательный полигон, — виновато улыбнулся Сергей Иванович. — Понимаете, сейчас в Таджикистане работает поисковая археологическая экспедиция. Я всю свою душу вложил в эту экспедицию. Мечтал, надеялся... Сколько инстанций мне пришлось пройти, чтобы выбрать фонды, разрешения на раскопки, подобрать состав! Но эта проклятая автомобильная авария разрушила все мои планы. При выписке из больницы врачи сказали, что у меня в мозгу образовался тромб и удалить его можно только хирургическим путем. Возможно, я бы и согласился прооперироваться, но оказалось, что подобные операции проводятся только за рубежом и за большие деньги...

— Но ведь дядя Женя предложил тебе помочь с деньгами, — перебила его дочь.

— У дяди Жени свои проблемы. Но даже если бы я согласился взять у него деньги и лечь на операцию, то все равно не успел бы попасть в экспедицию. К тому же врачи сказали, что жить я с этим тромбом буду. Правда, об экспедиции в Таджикистан придется забыть. Как вы знаете — там очень жарко, а мне после аварии нежелательно находиться на солнце. Нельзя сказать, что я не поверил врачам, однако все же решил провести небольшое испытание.

Мохов вздохнул, обнял Лену за плечо, как бы ища у нее поддержки, и грустно добавил:

— Результат вы видели сами. В первый же день потерял сознание. Старый идиот! Только дочку напугал до полусмерти.

— Ничего, папа! Самое главное, что сейчас с тобой все в порядке! — Лена прижалась к отцу и поцеловала его в щеку.

— Да, в порядке, — потупив глаза, произнес он. — Ну, ладно! Что-то я разболтался. Пойдем в санаторий собирать вещи, а то как бы мне еще раз не грохнуться в обморок.

Он потянулся было за вещами, но я успел опередить его. Подхватив и нашу, и их сумки, я медленно направился к выходу с пляжа. Моховы и Андрей пошли следом.

Как оказалось, наши новые знакомые жили в том же санатории, что и мы, только в двухкомнатном номере этажом ниже. При расставании они пригласили нас зайти в гости на чашечку кофе. Мы с Андреем переглянулись.

— Вы не возражаете, если мы зайдем к вам через полчаса? — спросил он с моего молчаливого согласия. — После пляжа необходимо принять душ и переодеться. Да и вам, Сергей Иванович, холодный душ не помешает!

— Хорошо, ждем вас через полчаса. Парадная одежда не обязательна.

Поднявшись в свой номер и приняв душ, мы переоделись и минут через сорок постучали в дверь двухместного люкса.

– Да, да. Иду, – услышали мы голос Сергея Ивановича. – Опаздываете, господа! – С такими словами он распахнул дверь и пригласил войти.

Посередине номера на журнальном столике были расставлены тарелки с холодными закусками и фруктами. Главенствующее место занимала бутылка коньяка с красочной наклейкой. Вокруг столика стояли четыре кресла.

– Заходите, заходите! Располагайтесь! – пригласил нас гостеприимный хозяин. – Леночка пошла за хлебом, скоро вернется.

На нем был одет спортивный костюм, и сейчас Мохов больше напоминал бывшего спортсмена, а не доктора исторических наук.

Мы еще не успели расположиться в креслах, когда вернулась Лена.

– Вы уже здесь! Сейчас я быстренько порежу батон, и все будет готово. Извините, что заставляю вас ждать. В последний момент вспомнила, что у нас нет и хлебной корки.

– Да что вы, Леночка! Какие могут быть извинения! И вообще, мы зашли на чашечку кофе, а вы здесь устроили целый пир, – ответил я, указывая рукой на заставленный закусками стол.

– Это все папа!

– Да, это моя идея. Я прихватил с собой из Москвы бутылку отличного коньяка. Ну не везти же его обратно! Врачи разрешают мне пару рюмок. Вот как раз и выпьем вместе. Первую – за знакомство, вторую – на прощание. Мы ведь сегодня вечером улетаем назад в Москву, – грустно закончил он.

– Думаю, до второй рюмки у нас дело не дойдет, – произнес Андрей.

Сергей Иванович вопросительно посмотрел на него, а Лена даже перестала резать хлеб.

– Я не в том смысле, что мы не выпьем с вами по паре рюмок, – невозмутимо продолжил мой друг. – Мы это обязательно сделаем, только по другому поводу. Я хотел сказать, что вам совершенно незачем возвращаться домой сегодня.

– Но ведь… – Ученый не договорил, но я видел, что в его глазах вспыхнула надежда.

– Я помогу вам, – уверенно заявил Андрей. – Через несколько сеансов от вашего тромба не останется и следа.

– Не может быть, это невероятно, – прошептала Лена, но это было не отрицание, а скорее наоборот – желание поверить в чудо.

– Андрей, я согласен на все. – Сергей Иванович уже поверил моему другу.

Это было видно по его изменившемуся лицу. Оно оживилось, глаза сверкали искрами радости и надежды.

– Когда мы начнем?

– А мы уже начали. Я начал, когда вы лежали на пляже без сознания, а вы – сейчас. Своей верой в мои силы вы поможете и себе и мне.

Следующая неделя пролетела как во сне. Сергей Иванович и Лена конечно же никуда не уехали. По несколько раз в день Андрей проводил с ним сеансы лечения, и в последнее время Мохов выглядел значительно лучше.

Слух об удивительных способностях чудо-целителя разошелся далеко за пределы санатория, и от пациентов, желающих поправить свое здоровье, не было отбоя.

Возможно, это было несколько эгоистично, но меня вполне устраивало такое положение. Все свободное время я проводил с Леной. Мы ходили на пляж, купались, загорали, разговаривали обо всем и ни о чем.

Сергей Иванович и Андрей лишь изредка присоединялись к нашему обществу. Отец Леночки еще опасался долго находиться на солнце, а у моего друга просто не оставалось на это времени.

– Хороший же у тебя получился отдых, – как-то в шутку заметил я, когда Андрей выкроил полчаса для купания и присоединился к нам.

– Ничего, я не в обиде, – ответил он. – Представь себе, какое это счастье чувствовать, что ты необходим людям, что можешь хоть как-то облегчить их страдания в этой жизни!

– Ты – счастливый человек, – глубокомысленно заметил Сергей Иванович. – У тебя такой нужный людям талант. Это великое счастье – быть полезным людям. И ты самоотверженно выполняешь свое великое предназначение!

– Да, я выполняю свое предназначение, – задумчиво подтвердил Андрей.

И снова мне на секунду показалось, что он вложил в свои слова какой-то двойной смысл, понятный только ему. Лишь значительно позже я понял, что подразумевалось под этими словами. Однако тогда я и представить себе не мог, сколько приключений и открытий мне предстоит пережить в ближайшем будущем и к чему это приведет...

Дни шли за днями. Мы купались, загорали и снова купались. Казалось, что такая идиллия будет длиться вечно. Но, как говорится, ничто не вечно под луной...

Ранним утром в наш номер громко постучали. Вскочив с кровати, я надел шорты и подошел к двери. На пороге стояла взъерошенная Лена.

– Что случилось? – спросил я, удивленный и одновременно обеспокоенный таким ранним визитом.

– Папа пропал! – едва слышно ответила она.

– Как это пропал? – Я провел девушку в наш номер и усадил в кресло. – Рассказывай!

– Вчера вечером он, как всегда, отправился на вечернюю пробежку. Я ждала его до полуночи, но папа не вернулся. Тогда, подумав, что, возможно, он встретил кого-нибудь из знакомых и остался ночевать у них, я легла спать. А проснувшись утром, обнаружила, что его до сих пор нет. Я обегала уже всех знакомых, но его никто не видел. Он пропал... – Леночка всхлипнула, едва сдерживая слезы.

– Подожди, Лена! Быть может, твой отец действительно встретил кого-нибудь из знакомых, например, женщину...

– Нет, нет. Папа не такой. Он не мог так поступить, потому что очень любит маму и никогда не изменяет ей.

– А может, ему стало плохо во время пробежки. Ты звонила в больницу?

– Это невозможно, – подал голос Андрей. – Сергей Иванович сейчас в полном порядке.

– Хорошо. – Я несколько раз прошелся из угла в угол, обдумывая создавшееся положение. – Давайте не будем гадать, а лучше отправимся на поиски. Лена, подожди нас на улице. Мы спустимся через пять минут. Постой! Забеги к себе в номер и оставь отцу записку, на случай, если он вернется, когда нас не будет.

Через несколько минут мы спустились вниз. Девушка уже ждала нас. Посовещавшись, мы решили разделиться. Лена пошла в милицию, Андрей отправился по санаториям и больницам, а я – в парк, где Сергей Иванович совершал свои пробежки.

Самым тщательным образом я обшарил весь парк, переговорил со сторожем, а также с людьми, занимающимися спортом в парке. Однако это ничего не дало.

Через два часа, как было заранее условлено, мы встретились в номере. К записке никто не притрагивался. Ни у Лены, ни у Андрея также не было никаких новостей.

– Странно. Очень странно. Никто ничего не видел, никто ничего не слышал, а человек пропал, – констатировал Андрей.

– Что-то здесь не так, – заметил я. – Мы перепроверили все возможные варианты, а результатов никаких. Похитить его, я думаю, не могли. Кому нужен ученый-археолог? Вот если бы он был банкиром или бизнесменом – тогда другое дело.

– У нас дядя Женя – бизнесмен, – произнесла Лена. – Он – родной брат папы, – объяснила она.

– Стоп! Каким бизнесом он занимается?

– Я точно не знаю. Что-то связанное с нефтью.

– Нефть – большой бизнес, следовательно, и деньги там большие. А насколько Сергей Иванович близок со своим братом?

– Они очень близки. У дяди Жени нет семьи и единственныe родные – мы. К тому же они с папой – близнецы.

Я на секунду задумался. Если преступники знали все эти факты, то вариант с похищением тоже отвергать нельзя.

– Ты думаешь, что Сергея Ивановича могли похитить, чтобы потребовать выкуп у брата? – Андрей как будто читал мои мысли.

– Да, это возможно. Хотя… – в эту секунду мне на ум пришла одна интересная мысль, и я поспешил поделиться ею с друзьями: – Может быть и другой вариант. Его могли перепутать с братом. Ведь они – близнецы.

– Да, да. Они очень похожи. Тем более билеты нам сюда брал дядя Женя, – подтвердила Лена.

– Хорошо. Допустим, мы правы, и Сергея Ивановича похитили, приняв его за братабизнесмена. – Я продолжал логически развивать свою мысль. – Если это действительно так, то сейчас похитители уже разобрались, что взяли не того, кто им нужен. Как они поступят в таком случае? Считаю, что возможны три основных варианта: они могут отпустить его, потребовать выкуп или… убить. Первый и третий варианты можно отбросить. Во-первых, потому что в этом случае мы все равно ничего не можем сделать, а во-вторых – это им просто невыгодно. Остается второй вариант: похищение с целью выкупа. А это значит, что похитители обязательно должны дать о себе знать. Как они это сделают – не знаю. Может быть, позвонят по телефону, а может, найдут какой-нибудь другой способ связаться с тобой, Лена. Так или иначе нам остается только одно – ждать.

Ждать пришлось недолго… Мы не успели выпить по чашке кофе, как раздался телефонный звонок. Лена подняла трубку. Несколько секунд она напряженно слушала, а потом ответила невидимому собеседнику:

– Хорошо. Я сделаю все, что вы скажете. Только не делайте ничего папе!

Ей что-то ответили. Девушка нервно сжала телефонную трубку и срывающимся от волнения голосом произнесла:

– Я никуда не пойду! Успокойтесь! – Она выслушала ответ, положила трубку и повернулась к нам. – Ты был совершенно прав, Алекс. Это звонили похитители. Они требуют выкуп. Сказали, чтобы я немедленно позвонила дяде Жене в Москву и вызвала его сюда. И чтобы он не забыл прихватить с собой сто тысяч долларов. Еще они сказали, что если я пойду в милицию, то голову отца мне пришлют по почте, – произнесла Лена, еле сдерживая слезы.

Я видел, что она готова вот-вот расплакаться, и решил предвосхитить ее нервный срыв. Я подошел к девушки и взял ее за плечи.

– Успокойся, Леночка! Слезами горю не поможешь! Нам необходимо все трезво обдумать и взвесить наши шансы. Что ты скажешь, Андрей? – Я повернулся к своему другу, ища у него поддержки.

– Откровенно говоря, я и не знаю, что сказать. Мне еще никогда не доводилось принимать участие в подобных ситуациях, – нахмутившись, ответил он. – Единственное, что я знаю наверняка – нельзя терять голову. Ты, Алекс, совершенно прав. Нужно все спокойно обдумать и взвесить.

– Хорошо. Давайте тогда пока будем выполнять все требования похитителей. Да, вот еще что. Я считаю, что идти в милицию очень рискованно. У преступников, возможно, там есть свои люди. Тогда мы можем действительно получить Сергея Ивановича по почте.

– А если у них нет своих людей в милиции? Ты ведь считал, что похищение запланировано не здесь, – спросил Андрей.

Я задумался. В этих рассуждениях был здравый смысл, однако это ничего не меняло.

– Не знаю, – ответил я. – Возможно, и нет, но мы не вправе рисковать. На карту поставлена жизнь Сергея Ивановича. В конце концов похитители могут просто следить за Леной. – Мои собственные слова навели меня на интересную мысль. – Давайте вот что сделаем. Лена, ты с Андреем отправишься на почту и позвонишь своему дяде, а я пойду следом и постараюсь выяснить – следят ли кто-нибудь за вами или нет.

На этом мы и остановились.

Честно говоря, я очень сомневался в реальности этого плана. Очень сложно, не имея к тому же никаких практических навыков, обнаружить слежку. Но пока это был наш единственный шанс, и мы не могли не воспользоваться им.

Через пару минут Лена с Андреем вышли из санатория и направились к почтовому отделению, находившемуся в поселке. Идти было недалеко, и мы заранее условились, что они не будут спешить, чтобы дать мне возможность получше рассмотреть окружающих людей.

Я шел метрах в ста позади них, внимательно присматриваясь к людям, попадающимся на пути. Особенно пристально я разглядывал тех, кто шел с нами в одном направлении. Но никто из них не вызывал у меня подозрений. Казалось, что все они спешат по своим делам, и мои друзья их совершенно не интересуют.

Андрей с Леной зашли на переговорный пункт. Я решил не входить в здание и стал осматриваться, прикидывая, где бы мне подождать, пока они выйдут. Мой взгляд остановился на летнем кафе, расположенному неподалеку от почты.

В такое время в кафе заняты были лишь несколько столиков. Я решил, что лучшего места для наблюдения за входом в здание мне не найти, и уже было направился к свободному столику, когда вдруг заметил среди посетителей забегаловки знакомое лицо.

И хотя этот человек был модно одет, да и волосы отросли с момента нашей последней встречи, я сразу же узнал в нем Хряща. Да, да, того самого Хряща, который сидел со мной «на зоне» в одном бараке. Он освободился немногим больше месяца назад.

«И надо ж было ему оказаться в этом месте!» – Я хорошо помнил, что Хрящ принадлежит к блатному миру, а следовательно, встреча с ним не сулила ничего хорошего.

Возможно, он уже знал о побеге и о том, что за наши головы, как считал Андрей, назначена награда.

«Нет, мне ни в коем случае нельзя попадаться ему на глаза», – решил я и поспешно перешел на другую сторону улицы.

Хорошо еще, что он не знает монаха в лицо. В лагере они разминулись: одного посадили, другого освободили. Если бы на месте Андрея оказался я, он обязательно бы меня увидел и узнал – его взгляд был постоянно направлен на вход в почтовое отделение...

«Стоп! А почему он действительно постоянно туда смотрит? Может быть, Хрящ именно тот человек, который должен наблюдать за Леной?» – озарила меня мысль.

Добравшись до небольшого скверика, я устроился на скамейке под густым ветвистым деревом. Отсюда хорошо было видно и кафе, в котором сидел Хрящ, и переговорный пункт. Я решил понаблюдать за моим старым знакомым. Для этого у меня были достаточно веские основания.

Минут через десять Андрей с Леной вышли. Я заметил их, но все свое внимание уделил Хрящу. Даже с такого расстояния, а я находился метров за пятьдесят от него, было заметно, как он напрягся в момент появления моих друзей.

Дальнейшие события оказались еще более интересными. Ребята уже отошли от почты на несколько десятков шагов и скрылись за поворотом, а бандит все так же продолжал наблюдать за входом в здание.

Через какое-то время из двери вышел мужчина средних лет неброской наружности, одетый в светлую рубашку с длинными рукавами. На пороге он остановился, вытащил из кармана белый носовой платок и вытер вспотевшее лицо.

Казалось бы, ничего особенного не произошло. Человек в душном помещении вспотел, и вполне естественно, что ему захотелось вытереть пот. Но в этот момент я внимательно следил за Хрящом и заметил, что он, увидев манипуляции человека с платком, едва заметно кивнул, скорее всего непроизвольно.

Необязательно быть детективом, чтобы сообразить, что в тот момент я стал свидетелем обмена заранее условленными сигналами. Этот человек, вероятно, наблюдал за моими друзьями и сейчас подал условный сигнал своему партнеру.

Хрящ еще пару минут просидел за столиком в кафе, время от времени бросая взгляды по сторонам. Потом он допил свой кофе, встал и не спеша направился к морю.

Я подождал, пока он удалится от меня на достаточное расстояние, а затем двинулся следом. Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы он обнаружил за собой слежку, тем более в моем лице. Поэтому я решил держаться подальше от своего подопечного, по возможности стараясь не выделяться из толпы спешащих на пляж людей.

Несколько раз Хрящ оборачивался, проверяя, не следит ли кто-нибудь за ним. Для этого он прибегал к различным фокусам: то у него неожиданно развязывался шнурок, то выпадало что-то из кармана, а то он останавливался возле витрин магазинов, стараясь в зеркальном отражении стекол обнаружить возможных наблюдателей.

Я поступил правильно, что держался на порядочном расстоянии. И хотя раньше мне никогда не доводилось заниматься подобными делами, я довольно уверенно справился со своей ролью – ни одна уловка матерого уголовника не застала меня врасплох.

В конце концов после десятой проверки, Хрящ успокоился и уверенно зашагал к окраине поселка. Людей вокруг меня стало значительно меньше, и я решил дальше не следовать за ним, а просто посмотреть, куда он направится. В последний раз уголовник оглянулся, выходя за пределы поселка и направляясь к заброшенной, недостроенной базе. Меня он не увидел. Я стоял за забором, наблюдая через щели штакетника за его передвижениями.

Хрящ подошел к железной калитке в заборе и несколько раз стукнул по ней ногой. Через пару секунд дверь открылась, мой старый знакомый вошел и направился к небольшому домику, расположенному на территории базы. С громким стуком калитка закрылась, и он исчез из моего поля зрения.

Все... Теперь можно возвращаться назад. Я знаю, где обитает Хрящ и где, возможно, находится Сергей Иванович. Почему-то я был почти уверен, что именно Хрящ и его сообщники похитили ученого-археолога. И если уж следовать этой гипотезе, то лучшего места, чем заброшенная база, для содержания заложника им не найти.

Еще какое-то время я внимательно осматривал окрестности, стараясь запомнить расположение строений на территории базы и возможные подходы к ним, понимая, что подробные знания местности могут пригодиться нам в самом ближайшем будущем.

Через полчаса я вернулся в санаторий и сразу же направился в номер Лены.

– Где ты был так долго? – спросила взволнованная девушка, как только я появился на пороге комнаты. – Мы уже думали, что и с тобой что-то случилось.

– Со мной, как видишь, все в порядке, – ответил я, усаживаясь в кресло.

– Ну? Ты видел кого-нибудь? – Андрей вел себя, как всегда, спокойно, но я-то прекрасно понимал, что он волнуется о судьбе Сергея Ивановича не меньше меня.

– Видел, Андрей, видел! Более того, я знаю этого человека. Это Хрящ – один из подручных Беса. Вы не знакомы. Он – ушел, а ты – пришел. – Я говорил намеками, стараясь, чтобы Лена не догадалась о нашем недавнем прошлом.

– Я не пойму, о чем вы говорите? – вмешалась она. – Ты знаешь того человека, который похитил отца? Кто он такой?

– Он – уголовник, Лена. Мы встречались с ним раньше и должен тебе сказать – впечатления от этих встреч не самые приятные. Он очень плохой человек.

– А откуда ты его знаешь? – Девушка вопросительно посмотрела на меня.

Я замялся, не зная, что ответить на этот, казалось бы, легкий вопрос.

– Понимаешь, Лена, – выручил меня Андрей. – У нас большие неприятности с криминальным миром. Скажу больше – они ищут нас и если найдут – убьют.

Лена недоверчиво взглянула сначала на Андрея, потом на меня.

– Это правда? – Она пристально посмотрела мне в глаза.

Я не мог не ответить на этот вопрос.

– Да, Лена! То, что сказал Андрей, – правда. Но это сейчас не столь важно. Наши проблемы могут подождать, а вот бандиты ждать не будут. Кстати, я ведь еще не сказал вам, что мне удалось проследить за Хрящом. И теперь я почти наверняка знаю, где они прячут твоего отца.

Я подробно рассказал своим друзьям о том, как мне удалось засечь Хряща и проследить от кафе до заброшенной базы. Не забыл также упомянуть и о человеке с платком, появившемся на пороге почтового отделения сразу же после того, как ребята оттуда вышли.

– Да, я помню этого мужчину, – вспомнил Андрей. – Он был в соседней телефонной кабинке, когда Лена звонила своему дяде в Москву.

– Все верно. Похитители следят за Леной. И этот человек, очевидно, подслушал разговор и знает, что все идет по запланированному ими сценарию. Кстати, что ответил твой дядя?

– Он прилетит сегодня вечером. Сказал, чтобы я ничего не предпринимала до его прибытия.

– Сейчас мы все равно не можем ничего сделать, так что давайте подождем до вечера, – подытожил я.

В этот миг раздался телефонный звонок. Лена вздрогнула от неожиданности, однако быстро взяла себя в руки, подошла к телефону и сняла трубку.

– Да. Я слушаю, – сказала она и тут же сделала рукой жест, показывая нам, что это звонят похитители.

Я соскочил с кресла и подошел к девушке. Она немного отстранила от уха телефонную трубку, давая возможность и мне услышать разговор.

– Детка, я же говорил тебе: никому не рассказывать о нашем разговоре. – В трубке раздался хриплый голос.

– Но это был врач папы, – отозвалась Лена и посмотрела на Андрея. – И он ничего не знает. Я просто попросила его проводить меня на почту.

– Хорошо, если это правда, а иначе…

Бандит сделал паузу, давая возможность девушке самой догадаться, что произойдет в противном случае.

– Когда прилетает твой дядя? – спросил он, решив, что уже достаточно напугал собеседницу.

– Сегодня вечером.

– Тогда я перезвоню вечером. И помни – никаких фокусов, детка.

После этих слов в трубке раздались короткие гудки. Еще несколько секунд Лена отрешенно стояла, уставившись в пустоту ничего не видящим взглядом.

– Это был голос Хряща, – уверенно констатировал я. Мои слова вывели девушку из оцепенения. Она положила трубку и повернулась ко мне.

– Ты уверен? – переспросила она.

– Да, у меня нет сомнений, что это он разговаривал с тобой по телефону. К тому же слово «детка» – его любимое обращение. – Я немного помолчал, а потом заметил: – Лена, а ты – молодец! Мгновенно сообразила, как объяснить присутствие Андрея с тобой на почте. Кстати, Андрей, Хрящ может проверить правда ли, что ты – врач. Ты в силах что-нибудь сделать по этому поводу?

Он подумал несколько секунд, а потом отозвался:

– Я могу попросить директора санатория, чтобы он и его сотрудники, если им позвонят, дали положительный ответ.

– Тогда сделай это немедленно.

– Хорошо, – произнес монах и, встав с кресла, добавил: – Я, возможно, немного задержусь, так что вы не волнуйтесь. Мне необходимо обойти своих особо нуждающихся в помощи пациентов.

После того как Андрей вышел, я попросил у Лены бумагу и карандаш и стал по памяти чертить план базы. Девушка какое-то время наблюдала за моими художественными потугами, а затем спросила:

– Это план той базы, на которой держат папу?

– Да, – кивнул я. – И хотя мои художественные таланты не позволяют назвать этот чертеж шедевром – все же это лучше, чем ничего.

– А зачем он тебе нужен?

– Надо же что-то иметь под руками, чтобы разработать операцию по освобождению твоего отца, – после непродолжительного молчания ответил я. – Думаю, твой дядя – умный человек и обязательно привезет с собой кого-нибудь из специалистов такого профиля.

– Ты хочешь сказать, что для освобождения отца придется штурмовать эту базу?

– Возможно.

– Нет, – твердо произнесла Лена. – Я не согласна с этим и не могу позволить рисковать вашими жизнями и жизнью моего папы. Мы заплатим выкуп, как требуют похитители, и тогда они освободят его.

Меня несколько смутил ее тон, и пару минут я молчал, старательно вырисовывая по памяти то самое недостроенное здание, куда вошел Хрящ. Я предполагал, что в этом здании, где-нибудь в подвале, и содержат Сергея Ивановича.

Пауза затянулась. Отложив в сторону карандаш, я все же решил закончить начатый разговор и, как говорится, расставить все точки над «и».

– Я не хотел раньше времени расстраивать тебя, Лена. Но боюсь, что ты не понимаешь истинного положения дел. А дело в том, что похитители, как правило, даже получив выкуп, не спешат расставаться со своим заложником. Они или еще раз требуют денег, или… – Я на секунду замолчал, увидев, как изменилась в лице девушка.

До нее наконец-то дошло, что я хотел сказать.

Мне было совсем нелегко говорить такие вещи, тем более что Лена была мне далеко не безразлична. И все же это необходимо было сделать. Я был обязан разбить иллюзии относительно порядочности преступников.

Глубоко вздохнув, я продолжил:

– Понимаешь, Лена, им гораздо легче и безопасней уничтожить следы своего преступления, убив заложника. Отпуская его, они очень рисуют. Представь на секунду, что твой отец видел кого-нибудь из похитителей в лицо и сможет опознать его. Или запомнил место своего заточения и после освобождения сможет привести туда милицию. Преступники не любят рисковать такими вещами, поэтому обычно похитители убивают заложников. И тогда, как говорится, все концы в воду, – закончил я, подумав при этом, что воды-то уж здесь хватает – целое море под боком.

– А может, они все же отпустят его, если мы заплатим выкуп? Ведь папа никогда никому ничего плохого в жизни не сделал. – Казалось, Лена упрямо цепляется за спасительную соломинку, надеясь на порядочность преступников.

Быть может, я бы тоже на это надеялся, если бы не знал, что этим делом занимаются матерые уголовники. У таких людей другая психология. Человеческая жизнь для них – не более чем мелкая разменная монета.

Я знал Хряща, знал на что он способен и не питал иллюзий по этому поводу. Ничего не ответив, я только покачал головой.

Нервы у Лены в конце концов не выдержали, и она расплакалась. Не в силах видеть, как плачет любимая девушка, я подошел к ней и обнял за плечи. Она уткнулась лицом в мою грудь, продолжая нервно всхлипывать.

– Успокойся, Леночка, – прошептал я в самое ухо. – Мы вытащим твоего отца из лап этих бандитов! Поверь мне!

Постепенно девушка перестала плакать и, подняв голову, заглянула мне в глаза.

– Ты правда так думаешь? – еле слышно спросила она.

– Конечно! Нам выпал уникальный шанс. Мы знаем, кто его похитил и где содержат. А это очень, очень важно! Тем более – скоро должно прибыть подкрепление.

– Да, я помню. Надеюсь, что дядя Женя такой же умный и сообразительный, как ты. Извини меня за этот нервный срыв. – Лена приподнялась на цыпочки и поцеловала меня в щеку.

Затем освободилась из моих объятий и убежала в ванную комнату.

Я остался на месте, проклиная в душе систему, которая породила на свет ублюдков, творящих зло и мешающих нормально жить хорошим людям.

Каждый здравомыслящий человек когда-нибудь задавался вопросом: кто мы, зачем и почему живем в таком несовершенном мире. В мире, где войны и уничтожение одного человеческого существа другим стали нормой, где борьба за существование приобрела чрезвычайно жесткий и бескомпромиссный характер, где сильный пожирает слабого, где...

Мои философские размышления были прерваны появлением Лены. Она вернулась из ванной комнаты умытая и посвежевшая. Лишь боль в глазах говорила о том, какие душевые муки испытывает эта молодая девушка.

– Я хочу еще раз попросить у тебя прощения, Алекс. Я была такой глупой, самоуверенной девчонкой. Думала, что знаю все об этой жизни и смогу найти выход из любой ситуации... Реальность оказалась гораздо суровей и страшней – Лена на секунду замолчала и невидящими глазами уставилась куда-то вдаль.

Я поспешил прервать ход ее мрачных мыслей, чтобы не допустить еще одного нервного срыва.

– Перестань, Лена! Твое самобичевание ни к чему хорошему не приведет. Нам не перелогать этот мир. А вот твоего отца мы обязательно освободим, – пообещал я. – Но для этого нужно как следует все продумать и подготовить.

– Да, я понимаю. – Она глубоко вздохнула. – Могу ли я тебе чем-нибудь помочь?

– Можешь. Приготовь, пожалуйста, что-нибудь поесть, а то у меня с самого утра маковой росинки во рту не было.

Лена кивнула и ушла готовить бутерброды, а я вновь принялся за план базы.

Через несколько минут раздался тихий стук. Я спрятался в спальню, а хозяйка подошла к двери и спросила:

– Кто там?

– Это я, – прозвучал голос Андрея. Лена быстро впустила его.

– Ты что, запах кофе почувствовал? – с улыбкой спросил я у своего друга, появляясь из спальни.

– Присаживайся, Андрей, – пригласила Лена, – Мы как раз собирались перекусить.

– Очень кстати. Но я прибежал, чтобы сообщить важную новость. Меня только что нашел директор санатория и сказал, что ему звонили из милиции и интересовались мною.

– Что он ответил? – нетерпеливо спросил я.

– Он сказал им, что я работаю в санатории, правда временно.

– А он уверен, что звонили из милиции?

– Ему по телефону назвали фамилию их участкового и сказали, что звонят по его поручению.

– Значит, у похитителей действительно есть свои люди в правоохранительных органах, – многозначительно заметил я. – Или, по крайней мере, они очень хорошо осведомлены о том, что там творится. В любом случае участие милиции в нашем деле исключается.

Я не сказал еще одну причину, по которой мы ни в коем случае не могли обратиться в органы.

Сведения о двух бежавших заключенных могли дойти и сюда, а милиция, впутай мы ее в это дело, первым делом заинтересовалась бы ближайшим окружением объекта похищения. Вот этого никак нельзя было допустить. Андрей понял то, чего я не досказал, и, кивнув головой, согласился:

– Ты прав. В этом деле нам придется рассчитывать только на свои силы.

Лена, разливая кофе по чашкам, слушала наш разговор и молчала. Казалось, что новость Андрея совершенно не удивила ее. Когда все было готово, мы придвинулись к столику и приступили к трапезе.

– Спасибо, Лена, все было очень вкусно, – проронил я, прожевывая последний кусок бутерброда. – Я сейчас выйду в коридор покурить, а вы…

– Нет! Кури здесь, – перебила меня Лена, умоляюще взглянув мне в глаза.

– Ладно, – ответил я, поняв, что она хотела сказать этим взглядом. – Я стану возле окна и открою форточку.

– Стой! – Возглас Андрея остановил меня на полу пути. – Не подходи к окнам, возможно, за ними наблюдают.

– Вот, черт! – в сердцах выругался я. – Даже покурить спокойно невозможно.

– Я сама открою форточку. – Девушка встала с кресла и подошла к окну. – А ты кури, не стесняйся. Я привыкла к табачному дыму, ведь папа раньше курил.

– Удивляюсь я твоему папе, – проговорил я, с наслаждением затягиваясь сигаретой. – Как он умудрился бросить курить?!

– Все очень просто, – ответила Лена, присаживаясь рядом со мной. – После аварии врачи запретили ему курить под страхом смерти. Вот и пришлось бросить.

– Кстати, а как он попал в аварию? – неожиданно спросил Андрей.

– Это – темное дело. Папа говорил, что его «Жигули» просто столкнули под откос, но следователь из прокуратуры утверждал, что никакой другой машины не было, а папа сам не справился с управлением.

– Интересно, неужели экспертиза не обнаружила следы другой машины на автомобиле твоего отца?

– Какая экспертиза! От машины ничего не осталось. Папе жутко повезло – его выбросило из кабины при первом же ударе. Он буквально чудом остался жив, кстати благодаря своей расеянности – забыл пристегнуть ремень безопасности, а иначе сгорел бы вместе с автомобилем.

– Но ведь все равно должны были остаться следы!

– Не знаю. Вероятно, можно было бы что-то восстановить, но милиция не захотела серьезно заниматься этим делом. Им оказалось гораздо проще списать все на несчастный случай и определить, что водитель сам не справился с управлением, чем искать причину аварии. Тем более что папа целый месяц находился в реанимации между жизнью и смертью. Следователь несколько раз приходил в больницу, и у меня сложилось впечатление, что он больше заинтересован в смерти отца, чем в его выздоровлении. Поэтому я и не удивилась, когда Андрей рассказал о возможной связи здешней милиции с бандитами, похитившими папу.

Едва она успела произнести эти слова, как раздался громкий стук в дверь.

– В спальню! – шепнул я Андрею и увлек его за собой. Стук повторился еще настойчивей, чем в предыдущий раз. Лена на негнущихся ногах подошла к двери и срывающимся от волнения голосом спросила:

– Кто?

– Это я – дядя Женя! – раздался голос из коридора.

Девушка распахнула дверь и бросилась в объятия человека, как две капли воды похожего на Сергея Ивановича.

– Дядя Женя! Слава Богу, что ты приехал!

– Я спешил, как мог, Лена. Пришлось даже одолжить у друзей частный самолет, чтобы прилететь сюда как можно быстрее.

Евгений Иванович прошел было в номер, а затем, вспомнив о чем-то, обернулся ко все еще открытой двери и произнес:

– Лена, познакомься с моими друзьями. Ребята, заходите!

В открытый проем протиснулись два весьма плотно сложенных человека с каменными лицами. Они были похожи друг на друга, как близнецы. На первый взгляд им было лет по тридцать или чуть больше. Умение держаться и суровое спокойствие на их лицах выдавало профессию, которой они занимались.

– Это Максим и Сергей, – представил их Евгений Иванович.

– Очень приятно, проходите, пожалуйста. – Девушка пропустила гостей и закрыла за ними дверь.

Те прошли к журнальному столику и устроились в креслах.

– Ты что, закурила? – спросил дядя, увидев на столе пепельницу с еще дымящимся окурком.

Лена не успела ответить, потому что в этот момент я показался на пороге спальни, решив, что нам тоже пора представиться.

Наше неожиданное появление вызвало у вновь прибывших вполне определенную реакцию. Двою друзей, как представил их Ленин дядя, вскочили со своих мест, одновременно засовывая правые руки под пиджак.

Евгений Иванович сделал им предостерегающий жест и вопросительно уставился на нас с Андреем. Затем он перевел взгляд на племянницу.

– Это мои новые друзья, – объяснила она, разрядив тем самым напряженную атмосферу. – Они помогли папе, когда у него был приступ, и сейчас продолжают помогать мне. Алекс, Андрей, познакомьтесь с моим дядей! Мы вышли из спальни и поздоровались.

– А это его друзья – Максим и Сергей, – представила хозяйка номера «близнецами».

– Да, я уже догадался, что это – друзья, – с улыбкой произнес я, пожимая их сильные и твердые руки.

Андрей принес из спальни два стула, и мы тоже устроились возле стола.

– Извините, ребята, но нам предстоит серьезный разговор по семейному делу, – произнес Евгений Иванович, видя, что мы не собираемся уходить.

– Дядя Женя, Алекс и Андрей полностью в курсе дел.

– Ну раз так, тогда другое дело. Лена, рассказывай, что произошло. Со всеми подробностями.

В течение получаса девушка рассказала о событиях минувших суток. Евгений Иванович лишь один раз перебил свою племянницу, когда она в своем рассказе упомянула о том, что я узнал в посетителе кафе уголовника Хряща.

– А откуда ты знаешь этого Хряща? – спросил он, подозрительно взглянув на меня.

– Приходилось встречаться, – пожав плечами, спокойно ответил я.

– В каком качестве? – Он не сводил с меня строгих глаз.

– Ну, во всяком случае, друзьями мы не были. – Я уклонился от прямого ответа, решив, что сейчас не время признаваться в своем уголовном прошлом.

– Дядя Женя! – Лена не дала своему дяде задать еще один вопрос, готовый уже сорваться с его уст. – Андрей и Алекс – друзья, а ты ведешь себя так, словно подозреваешь их в соучастии в этом похищении. Они помогли нам в трудную минуту и участвуют в этом деле только по моей просьбе.

– Да, да… Извините меня, пожалуйста! Просто похищение Сергея вывело меня из равновесия, заставляя невольно подозревать всех, хоть как-то причастных к этому.

– Мы вас прекрасно понимаем, – принял извинения Андрей.

Я тоже кивнул головой, но подумал, что Евгений Иванович не снял с нас своих подозрений. Это было обидно, но вполне понятно. Окажись я на его месте, то поступил бы точно так же.

Лена продолжила свой рассказ и, закончив, передала дяде листок, на котором был начертан план заброшенной базы. Некоторое время он рассматривал чертеж, а потом передал его своим телохранителям.

– Что вы думаете по этому поводу?

– Думаю, что мы сможем освободить вашего брата, – ответил Максим. – Знать бы еще, сколько их там.

– Как минимум, трое, – произнес я, хотя меня никто не спрашивал.

– Откуда ты знаешь?

– Считайте сами: Хрящ, человек с платком и тот, который открывал дверь Хрящу на базе. Возможно, это не вся банды, но о других мы ничего не знаем.

– А где они могут держать заложника? Как ты думаешь? – посмотрел на меня Сергей.

– Скорее всего, в этом домике. – Я указал здание на плане. – Остальные строения базы, по моему мнению, не представляют интереса. Там практически один фундамент… Хотя, возможно, я и ошибаюсь. Решайте сами. – Я подумал, что не стоит навязывать свое мнение, помня о недоверии к нам.

– Вполне логично, – задумчиво произнес Максим, переглянувшись со своим напарником. – Если, конечно, план верен.

– Можете сами проверить, – невозмутимо отозвался я.

– Мы, наверное, так и сделаем, – подвел итог Евгений Иванович. – Максим, Сергей, вы сейчас отправитесь туда и сами оцените возможность освобождения моего брата силовым методом. Только будьте очень осторожны, смотрите, чтобы вас не заметили. Идите.

Телохранители встали со своих мест и направились к выходу. В этот момент раздался телефонный звонок. Они замерли, одновременно повернувшись назад. Евгений Иванович кивнул Лене.

– Да? – спросила она, сняв трубку.

Я не слышал разговора, но по выражению ее лица сразу догадался, кто это звонит.

– Он приехал, – спустя несколько секунд ответила Лена, а затем добавила: – Сейчас позову!

Девушка повернулась к дяде.

– Это тебя, – произнесла она, прикрывая микрофон рукой. – Они знают, что ты приехал. Евгений Иванович взял трубку.

– Слушаю.

В номере стояла гнетущая тишина. До моего слуха изредка доносились звуки голоса бандита, что-то старательно объясняющего своему собеседнику. Мохов внимательно слушал, постепенно меняясь в лице. Когда он положил трубку и поднял голову, на нас смотрело потеянное, обреченное лицо человека, состарившегося за эту минуту, казалось, лет на двадцать.

– Что они сказали? – испуганно спросила Лена.

— Черт бы их побрал! — Евгений Иванович подошел к креслу и, буквально упав в него, тихо добавил: — Они все предусмотрели.

Несколько секунд он сидел, обхватив голову руками и о чем-то напряженно думая. Затем поднял глаза на своих помощников.

— Все отменяется, ребята, вы возвращаетесь в Краснодар.

— Почему? — недоуменно спросили в один голос Максим и Сергей.

— Потому что эти сволочи знают, кто вы такие и почему прибыли вместе со мной. Они наблюдают за санаторием и говорят, что, если вы не выйдете через пять минут из здания и не уедете в Краснодар, звонков больше не будет.

— Хорошо, — тут же нашелся Максим. — Мы выйдем из санатория и отъедем на машине за территорию поселка, а затем незаметно вернемся.

— Не пойдет. Они предвидели такой вариант и поставили условие, что вы будете находиться в краснодарском офисе филиала нашей фирмы. Сказали, что через три часа позвонят директору филиала и проверят — там ли вы. Я же говорил, что они все предусмотрели, а у нас нет выбора — надо выполнять их условия.

Еще минуту телохранители стояли, растерянно поглядывая то друг на друга, то на своего босса.

— Идите, ребята, идите! И помните, что через три часа вы должны быть в кабинете директора филиала. — С этими словами он проводил их к двери.

Максим с Сергеем вышли, а мы остались сидеть на своих местах.

— Ничего, ничего. Все нормально, — не очень уверенном голосом произнес Евгений Иванович. — Мы выполним все их требования, заплатим выкуп и получим назад Сергея.

— На это можете не рассчитывать. Я уже объяснял Лене до вашего появления, что эти уголовники не отпустят заложника, даже получив выкуп, — спокойным голосом возразил я.

— Я отдам им все, лишь бы они отпустили брата!

— Это не имеет значения, хотя, видимо, именно этого они и хотят добиться, зная о вашей любви к брату. И даже если вы заплатите миллион, они все равно его убьют.

— Но что же делать? — нервно вскрикнул Евгений Иванович, ударив кулаком по столу.

— Прежде всего успокойтесь и доверьтесь нам. У меня есть план, и я надеюсь, что он сработает.

— Что ты предлагаешь? — спустя несколько секунд уже более спокойным тоном спросил он.

— Сначала ответьте мне на один вопрос. Вы согласны, что если мы будем идти на поводу у преступников, то вероятность положительного исхода этого дела очень мала?

— Согласен, — мрачно согласился Евгений Иванович. — Но они просчитали все мои действия заранее и не оставили другого выбора.

— Выбор всегда есть! Я убедился в этом на собственном опыте. — Говоря это, я посмотрел на Андрея, и тот, поняв меня с полуслова, согласно кивнул головой.

В двух словах я изложил свой план, который сводился к тому, чтобы выманить преступников из их логова и освободить Сергея Ивановича. Возможно, это был не лучший вариант, но ничего другого, более приемлемого в нашей ситуации, я придумать не мог.

— У нас есть три часа времени, чтобы обдумать детали. Думаю, что преступники, как только получат подтверждение из Краснодара, начнут действовать.

— Я полностью согласен с вами, молодой человек. — По-моему, Евгений Иванович уже взял себя в руки и мог здраво мыслить. — Конечно, план не идеален, но все же это лучше, чем просто сидеть и ждать. Кстати, остался открытym главный вопрос: кто пойдет на базу?

— Я, — однозначно, как о решенном вопросе, ответил я.

— Но ведь преступники, скорее всего, оставят одного или двух человек охранять заложника.

– Не важно, лишь бы мне попасть туда.

– Может, вы возьмете кого-нибудь из нас в помощь?

– Нет, вы будете только мешать мне. К тому же у каждого из вас будет своя роль в этом деле. По правде говоря, я рассчитывал на помочь ваших телохранителей, но... – Я развел руками.

– И все же очень рискованно идти туда одному, – не унимался Евгений Иванович. – Подумайте хорошенько, сможете ли вы справиться, допустим, с двумя вооруженными бандитами?

– Постараюсь. Главное, чтобы мое появление было для них неожиданностью. Вот тогда наши шансы будут равны.

Пока мы вели наш диалог, Лена с Андреем молчали. Я обратил внимание, что монах что-то напряженно обдумывает, и решил выяснить, в чем дело.

– Ты с чем-то не согласен, Андрей? – обратился я к нему.

– Да нет. Я согласен с твоим планом и думаю, что все будет так, как ты планируешь, но...

– Что «но»?

– После завершения операции нам придется как можно быстрее сматываться отсюда.

– А в чем дело? – не понял Евгений Иванович.

– Их ищет мафия, – ответила за нас Лена, сообразив, на что намекает Андрей.

– Это – правда, – подтвердил я, отвечая на его вопросительный взгляд. – У нас были большие неприятности с уголовным миром, и сейчас мы, можно сказать, обреченные на смерть. Но это ничего не меняет. Сначала необходимо спасти Сергея Ивановича, а потом что-нибудь придумаем. – Я посмотрел на Андрея и добавил: – Не волнуйся! Не так страшен черт, как его малют. Закончим это дело, а потом махнем куда-нибудь в Сибирь. Там-то они нас точно не найдут. – Видимо, в моем голосе было маловато оптимизма, и монах только хмыкнул в ответ на мои слова. – Ладно, хватит об этом. Давайте лучше обговорим все детали предстоящей операции. Леночка, может, ты еще разок приготовишь нам кофе?

– Конечно, – ответила она и, прихватив с собой грязные чашки, вышла из комнаты.

– Пока нет Лены, я хотел бы обсудить весьма важный и щекотливый вопрос, – понизив тон, произнеся. – Имеем ли мы право подвергать жизнь девушки опасности?

– Я уже думал об этом, – ответил Евгений Иванович и покосился на дверь ванной. – Лена мне как родная дочь, и даже мысль о том, что с ней может что-то случиться, вызывает в душе сильную боль. Но сейчас именно тот случай, когда мы не можем обойтись без ее помощи, поэтому придется рискнуть.

– Я тоже так считаю, – согласно кивнул Андрей. – Мы не можем обойтись без Лены. Тем более что она никогда не простит ни себе, ни нам, если что-нибудь случится с Сергеем Ивановичем лишь по той причине, что мы побоялись подвергнуть ее жизнь риску.

– Я и сам все это прекрасно понимаю, но одно дело мы – мужчины, и совсем другое – она. Никогда не прощу себе, если с ней что-либо произойдет! – с чувством произнес я.

– Успокойся! Лена не будет совершенно беззащитной. – Теперь уже Евгений Иванович успокаивал меня. – У меня с собой газовый пистолет. Я отдам его Лене и покажу, каким пользоваться. Конечно, газовый пистолет – весьма ненадежная защита от матерых уголовников, но все же это лучше, чем ничего.

– Значит, все остается в силе, – подытожил я. – Андрей, тогда тебе уже пора навестить директора санатория и попросить о маленьком одолжении, о котором мы договаривались. Как ты думаешь, он не откажет?

– Директор санатория – хороший человек, и я не сомневаюсь, что он поймет меня правильно, – не задумываясь, ответил он.

– Отлично! Если ты успеешь вернуться к тому времени, когда кофе будет готов.

Андрей вышел из номера и отправился разыскивать директора санатория.

Мы заранее договорились, что он не будет посвящать этого человека в подробности дела, и я не находил себе места, не представляя, как мой друг сможет уговорить практически незнакомого человека одолжить машину. Именно об этом мы и хотели попросить.

Если бы на месте монаха был бы кто-то другой, он бы придумал какую-нибудь правдоподобную историю, но Андрей врать не умел, да и не хотел. И лишь, когда спустя какое-то время в дверном проеме появилась его довольно улыбающаяся физиономия, я понял, что чудеса еще возможны.

Андрей подошел к столику, уселся в одно из свободных кресел и, достав из кармана ключи на брелоке, небрежно бросил их на стол. Он проделал это так наигранно, что все невольно улынулись. Казалось, что с его появлением гнетущая атмосфера, царящая в этой комнате последние несколько часов, развеялась. К тому же первая часть нашего плана прошла успешно. Это было хорошим предзнаменованием.

– У нас есть машина, – сообщил Андрей. – Директор даже не спрашивал, зачем она нам нужна. Он просто отдал ключи.

Через некоторое время Лена подала кофе и бутерброды. Против бутербродов никто не возражал, прекрасно понимая, что неизвестно, когда нам еще удастся перекусить.

– Возможно, это не столь важно, – произнес я, покончив со своей порцией, – но все же нам необходимо обсудить еще один нюанс этого дела.

– Какой? – не понял Евгений Иванович.

– Денежный. Я считаю, что похитители не будут напрямую входить с вами в контакт. Они скорее всего назовут место, куда положить выкуп. Вы согласны со мной?

– Да, – подумав несколько секунд, ответил он. – Возможность прямого контакта очень маловероятна.

– Так вот, я думаю, что в таком случае совсем необязательно класть туда деньги. Можно нарезать бумагу и сделать «куклу». Сто тысяч долларов – значительная сумма, и жалко терять ее просто так, да и поощрять преступников ни к чему.

Пару минут Евгений Иванович молчал, обдумывая мое предложение, а потом произнес:

– Хорошо. Я согласен. Если уж мы не можем сдать этих преступников в милицию, то давайте хотя бы лишим их денег, которые они хотят заработать на нашем горе. К тому же финансовая сторона вопроса тоже немаловажна. Я не хотел говорить, но мои дела сейчас идут из рук вон плохо. Такое впечатление, что для всей нашей семьи наступила черная полоса. Сначала Сергей попадает в автокатастрофу, потом неожиданно арестовали счета моей фирмы, инкриминируя неуплату налогов, а теперь – вот это. Интересно, когда-нибудь закончится эта полоса несчастий?

– А когда она началась? – неожиданно поинтересовался Андрей.

– Когда началась? – переспросил Мохов и, подумав секунду-другую, ответил: – Пожалуй, все началось с этой злополучной экспедиции в Таджикистан, о которой Сергей бредил последнее время. Я согласился финансировать ее, правда, втайне от брата. Он до сих пор не знает об этом, считая, что это государство финансирует его проект. Вы не представляете, какое для него было потрясение, когда после аварии врачи запретили ему находиться на солнце. Он столько сил вложил в эту научную экспедицию, а сам не может в нее отправиться.

– Ну почему же не может? – спокойно произнес Андрей, посмотрев на Лену. – Сейчас ваш брат полностью здоров и может ехать куда душе угодно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.